

Лидия Алексеевна Чарская

Записки сироты

Лидия Алексеевна Чарская

Записки сироты

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22108402
Записки сиротки: 1907

Аннотация

«...Мы жили – мама, няня, я и старый, ленивый кот Мишка – в нашей маленькой квартирке. Мама целый день проводила на службе, няня возилась на кухне, а я с Мишкой сидела на широком подоконнике гостиной, играя с моей куклой Лили или читая книжку. С четырех часов дня я уже начинала поджидать маму со службы. Она приходила всегда к пяти часам усталая, но довольная тем, что видит свою маленькую Катю...»

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	16
Глава пятая	18
Глава шестая	21
Глава седьмая	24
Глава восьмая	26
Глава девятая	29
Глава десятая	32
Глава одиннадцатая	35
Глава двенадцатая	37
Глава тринадцатая	39
Глава четырнадцатая	42
Глава пятнадцатая	44
Глава шестнадцатая	47
Глава семнадцатая	50
Глава восемнадцатая	52
Глава девятнадцатая	55
Глава двадцатая	57
Глава двадцать первая	59
Глава двадцать вторая	62

Глава двадцать третья	66
Часть II	69
Глава первая	69
Глава вторая	72
Глава третья	77
Глава четвертая	80
Глава пятая	84
Глава шестая	88
Глава седьмая	92
Глава восьмая	96
Глава девятая	99
Глава десятая	101
Глава одиннадцатая	105
Глава двенадцатая	110
Глава тринадцатая	121
Глава четырнадцатая	124
Глава пятнадцатая	128

Лидия Алексеевна Чарская

Записки сиротки

Часть I

Глава первая

Сиротка Катя

Я помню маленькую светлую комнату, всю залитую лучами весеннего солнышка. Высокая, полная женщина укладывает меня в кроватку и, глядя мою белокурую головку, шепчет сквозь слезы:

– Бедная, бедная моя сиротка!

Эта полная женщина с добрым лицом – моя няня... Она так ласково смотрит на меня.

– Покойной ночи, нянюшка, – говорю я, протягивая к ней руки, и она целует меня и крестит.

Я знаю, что няня любит меня теперь еще больше, гораздо больше прежнего, с тех пор как умерла моя милая, дорогая мамочка...

Я до сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что ее уже нет с нами. Я горько плакала, когда она умерла, но няня остано-

вила меня словами:

– Мамочка у боженьки. Катя, но она видит твои слезы и ей больно за тебя; лучше обещай ей быть хорошей, милой девочкой, чтобы она могла радоваться на тебя, и молись за нее почаще.

Я постаралась исполнить желание няни и каждое утро и вечер горячо молилась за мою дорогую далекую мамочку.

А как мне хорошо жилось с нею!

Мы жили – мама, няня, я и старый, ленивый кот Мишка – в нашей маленькой квартирке. Мама целый день проводила на службе, няня возилась на кухне, а я с Мишкой сидела на широком подоконнике гостиной, играя с моей куклой Лили или читая книжку. С четырех часов дня я уже начинала поджидать маму со службы. Она приходила всегда к пяти часам усталая, но довольная тем, что видит свою маленькую Катю...

В ту же минуту няня приносила миску с супом, и мы садились обедать. После обеда мама читала мне книжку или показывала картинки в большой толстой книге. Чаще всего рассказывала сказки, до которых я была большая охотница. Вечером, когда мои глаза начинали слипаться от сна, мама отводила меня в маленькую детскую, оклеенную розовенькими обоями, собственноручно раздевала и укладывала меня спать. Потом садилась на краю моей постельки и, перекрестив несколько раз подряд, долго еще гладила по головке, пока сон окончательно не охватывал меня.

Я ужасно любила, когда она клала мне на лоб свою мягкую, теплую руку, и я засыпала тогда довольная и счастливая тем, что она сидит около.

А по праздникам, когда мама не уходила на службу, мы целый день были неразлучны... Утром ходили в церковь, а после завтрака долго гуляли, если была хорошая погода; в дурную же сидели у окна с работой в руках и вели нескончаемые разговоры.

И вот – все это кончилось... Всю зиму мама кашляла и еле-еле держалась на ногах. Весною она не вставала уже с постели. В ее комнате пахло лекарствами... Ходил старичок-доктор с большими очками на носу, и все говорили шепотом.

Три дня тому назад няня отвела меня к маме проститься.

Я с трудом влезла на высокую мамину постель и спросила ее, зачем она уезжает и куда? Мамочка была очень слаба и худа... Она взяла мою руку и сказала, что она не будет жить с нами, а уйдет на небо к боженьке, откуда будет видеть меня.

– Ты будешь умницей, Катя, – тихо проговорила она, – ты не захочешь огорчать твою маму?

– Нет, нет, – воскликнула я, – я буду умницей, только не уходи от меня на небо... останься с нами!

Я начала так горько плакать, что меня увели из комнаты.

На другой день утром я видела маму в последний раз. Она говорила, что я останусь пока с няней, а потом меня отвезут к моим родственникам, маминому брату, которого я никогда

не видела, – он жил где-то далеко... Говоря это, мама целовала меня и гладила по головке. Потом она взяла висевший на стенке образок и благословила меня им.

Глава вторая

Два письма. Приготовление к отъезду

Какою пустой и неприветливой показалась мне наша до сих пор уютная квартирка, когда мы вернулись с похорон мамы! И солнышко не так ласково смотрело в окна, и Мишка жалобно мяукал, ища свою хозяйку. Печально и грустно было доброе лицо моей няни, старавшейся изо всех сил если не развеселить, то хоть немного успокоить свою маленькую Катю. Но и на ее добрые, старые глаза поминутно навертывались крупные слезинки, которые она старалась скрыть от меня. Мы обе живо чувствовали отсутствие дорогой, милой мамы...

Вернувшись с кладбища, няня приготовила мне завтрак, но я, конечно, ничего не могла есть: от горя кусок не шел мне в горло. Затем целый день няня все хлопотала по устройству наших дел: надо было продать мебель, кое-что закупить на дорогу. Она хотела покончить все это сегодня же, чтобы как можно скорее отправиться к дяде, у которого я должна была поселиться после смерти мамы.

Поздно вечером, когда мы, уставшие за целый день хлопот, сидели за самоваром, вдруг раздался звонок. Няня побежала открывать дверь и через минуту вернулась, неся в руках два письма. Одно – было от дяди, другое из няниной деревни. Дядя писал, что он вернется только через три неде-

ли и что до тех пор я должна пока остаться с няней. В другом же письме мать няниного мужа звала нас заехать к ним погостить по дороге к дяде... Она писала, кроме того, что няня нужна в деревне как работница, так как приближались полевые работы.

– Ну, что же, едем, Катенька, ко мне в деревню? – спросила няня по прочтении мне обоих писем.

– Едем, нянечка, – согласилась я и тяжело вздохнула.

Я так мечтала еще при жизни мамы пожить в деревне всем троим вместе! Теперь без нее это так давножданное удовольствие мало обрадовало меня.

На другой день и няня, и я встали очень рано.

После чаю няня сейчас же принялась укладывать и свои, и мои вещи, чтобы приготовиться к отъезду.

– Как, Катя, укладывать Лилины башмаки или нет? – кричала она мне из гостиной, откуда унесли уже проданную мебель.

Башмаки Лили (так звали мою куклу) были совсем старенькие, но их покупала покойная мама и мне не хотелось оставлять их.

– Уложи их, нянечка, – попросила я, старательно завязывая галстук на толстой шее моей любимой и единственной куклы. Все мои игрушки должны поместиться в детском сундучке. Места в нем было немного. Некоторые игрушки пришлось подарить Паше, дворниковой девочке.

Я ходила по опустелым комнатам, заглядывала в кухню,

кладовую, во все уголки нашей маленькой квартирке, прощаясь с нею. Мишка не отставал от меня и все время мяукал.

– Что это, какой он беспокойный, нянечка? – спросила я, видя тревогу старого кота.

– Скучает он, Катенька, чует его сердце, что мы расстаемся с нашим гнездышком, – вот и плачет. Кошки ведь к месту больше, чем к людям, привыкают.

Наш отъезд был отложен до субботы. Нужно было продать еще некоторые непроданные вещи, которых нельзя было взять с собою; нужно было также еще кое-что прикупить, запастись съестным в дорогу. Нянина деревня была в Курской губернии, и путь туда был не короткий.

Пока шли сборы, я сидела на моем любимом подоконнике, где, бывало, поджидала маму. Из кухни несся запах жарившихся на дороге пирожков.

Мне было жаль оставлять квартирку, в которой я провела много славных, счастливых дней.

Глава третья

Отъезд. Дорога.

Случайное знакомство

Наступила суббота. Все было уложено и запаковано. Мы съездили с няней на кладбище, отслужили панихиду по маме и вернулись домой закусить перед поездом и захватить вещи...

Но тут случилось одно неприятное происшествие. Мишка никак не хотел влезать в приготовленную для него корзинку. Сколько раз няня ловила его и сажала туда, но как только хотела закрыть крышку, капризный кот выскакивал из нее и его приходилось ловить по всем комнатам.

Наконец, его засадили в корзинку, захлопнули крышку, несмотря на его отчаянное мяуканье, и поехали на вокзал.

Я редко бывала в толпе. Мама не гуляла со мною по людным улицам, и потому шум и возня на железной дороге очень испугали меня. Я держалась за юбку няни, как самая маленькая девочка, прижимая к груди Лили, смотревшую спокойно на все своими стеклянными глазами.

Билеты куплены, носильщик отнес наши вещи в багаж и усадил нас в вагон, где было темно, как ночью.

Раздался первый звонок, за ним, немного погодя, второй, затем третий. Няня велела мне перекреститься и долго кре-

стилась сама на соседнюю с вокзалом церковь. Пронзительный свисток – и поезд тронулся. Мишка заметался и замаякал в своей корзинке, поставленной под лавку, но и он скоро успокоился.

Передо мной мелькали деревья, дома, телеги и люди... Я не отходила от окна ни на минуту. Няня разговорилась с нашей соседкой по скамейке и была очень довольна, что нашла себе товарку по пути.

Мы ехали мимо каких-то деревушек с маленькими темными избушками. Снег еще лежал на полях, хотя солнышко грело по-весеннему.

Поезд шел очень скоро... и как только встречался с другим поездом, издавал пронзительный свисток.

– Катенька, не хочешь ли покушать? – спросила заботливо няня, наклоняясь ко мне.

Есть мне еще не хотелось, но я вспомнила, как хорошо пахли жареные пирожки и курочка, изготовленные накануне няней, и мне захотелось попробовать и того и другого. Няня поставила передо мной корзинку с провизией, и я с аппетитом поела вкусной стряпни старушки, покормила высунувшегося из корзинки неугомонного Мишку и снова заняла мое место у окна.

Начало смеркаться. Няня принялась устраиваться на ночлег. Вынула из дорожного мешка подушки и одеяла и, подложив вместо тюфяка под меня свое пальто, устроила мне очень удобную постельку. Я не скоро уснула. Положив около

себя Лили, я ей еще долго рассказывала шепотом о том, куда мы идем, где нянина деревня, сколько там есть яблок и ягод, коров и барашков.

– Катенька, ты спишь? – раздался надо мной голос няни. – Дай-ка я тебя перекрещу за маму, моя сироточка! – ласково добавила она и долго крестила меня, шепча молитвы.

– Мы ведь не скоро еще приедем в Москву, нянечка? – спросила я, уже засыпая.

– Еще не скоро, милушка, выспаться успеешь, – ласково успокоила меня няня и стала сама укладываться на другой скамейке.

Солнышко светило вовсю, когда я проснулась. Вдали белели церкви с золотыми куполами.

– Мы к Москве подъезжаем, – сказала няня, – и там пересядем на другой поезд.

В вагоне поднялась суматоха. Все бросились укладывать и собирать вещи. Я выспалась отлично и с любопытством рассматривала незнакомый город. Поезд подошел к платформе. Няня позвала носильщика и велела ему нанять извозчика на Курский вокзал. На новом вокзале было еще шумнее, чем на вчерашнем. Мы нашли себе место около молодой женщины, ехавшей со своей семилетней племянницей.

Девочку звали Дуней. Я ей показала Лили и Мишку и угостила пирожками и карамельками, купленными мне на вокзале няней. Мы подружились с ней очень скоро. Девочка рассказала мне, что тетка везет ее домой в деревню, а что гости-

ла она у мамы в Москве.

– Моя мама живет в услужении, она горничная в генеральском доме, – важно сказала маленькая Дуня. – А твоя мама где?

– Моя мама у боженьки! – тихо сказала я.

– Значит, ты сиротка? – спросила Дуня.

Я чуть не заплакала.

– Боженька любит сироток! – проговорила моя новая знакомка и, отломив большую половину медовой коврижки, купленной ей теткой, протянула мне.

Глава четвертая

На лошадях. Ночные страхи

Весь день мы проболтали с Дуней у окошечка и легли спать рядом на длинной скамейке. Среди ночи няня осторожно разбудила меня, говоря, что мы приехали.

Я крепко расцеловалась с моей новой знакомой, и мы вышли из вагона.

Вокзал был слабо освещен. Мы еле выбрались с няней из толпы и стали отыскивать какую-нибудь телегу, чтобы доехать до няниной деревни. В маленьком городишке, где мы вышли, не было других экипажей, а если бы и были, то взяли бы очень дорого за езду. Но и телеги не было на станции ни одной. Няня уже готова была переночевать в гостинице, как вдруг ее окликнул чей-то голос.

Мы обернулись. Перед нами стоял маленький, седенький старичок.

– Ах, Кузьмич, здравствуй, – обрадовалась няня.

– Здравствуй, здравствуй, Грунюшка! Меня за тобой и прислали, как, значит, получили писульку-то, так меня твоя мать и подрядила ехать за вами.

– А, значит, письмо дошло?

– Вчерась еще принесли... Давай вещи-то, родимый, – крикнул мужичок носильщику и, взяв от него багаж, положил его в телегу, стоящую у станции.

Потом он подложил сена под сиденье и помог нам взобраться.

– Это сосед наш, Катенька, – пояснила мне няня, когда телега загрохотала по улицам городишка.

Мне очень хотелось спать, и я легла на дно телеги. Няня прикрыла меня большим платком, но уснуть я не могла, так как слишком сильно трясло на мостовой. Мужичок повернулся к нам и, поминутно подгоняя лошадку, рассказывал няне о их деревенском житье-бытье.

Пока мы ехали по городу, я не чувствовала ничего, кроме желания спать, но вот мы выехали в поле, а потом в лес, где меня охватило чувство страха... Я смотрела на большие деревья, которые размахивали ветвями, точно громадными, длинными руками; тень от них ложилась темными пятнами на дорогу. Мне было очень жутко. Я вспомнила мамину сказку, где в таком же лесу маленький мальчик, ехавший с отцом, видел лесного царя и его страшных дочерей.

– Тебе холодно, Катенька? – заботливо осведомилась няня, видя, что я все время озираюсь по сторонам.

– Нет, нянечка, мне страшно! – призналась я.

– Страшно? – удивился Кузьмич. – Что ты, барышня! У нас тут тихо, в добрый час сказать! Я не раз в лесу этом был и даже волка не встретил.

Слова доброго мужика успокоили меня, и всю остальную дорогу я проспала крепким сном.

Глава пятая

Новые места – новые лица

Я проснулась от толчка... Телега остановилась у крылечка небольшой избы, стоявшей посреди огорода... Няня целовалась с какою-то старухой и держала за руку маленького белобрысого мальчугана – моего ровесника.

– Катенька, Катенька, – обернулась она ко мне. – Кузьмич, сними барышню с телеги.

И мой новый знакомый осторожно поставил меня на землю.

– Здравствуй, барышня! – сказала мне старуха и погладила меня по головке своей грубой, мозолистой рукой.

– А вот и мой Ванюшка! – радостно сказала няня, подталкивая ко мне толстого карапузика в красной рубашке.

– Ванюшка, здоровайся с барышней, – приказала она сынишке.

Мальчик смотрел на меня букой.

Я протянула ему руку, но он не двигался. У него была грязная рожица, расквашенный нос и белая, как лен, головенка.

– А где же Василий, Федор и Маша? – спросила няня у своей старухи-матери.

– На поле, родная! Пашут... К полдню вернутся... Ну, пойдем-кась в горницу... Устали, чай?

И старуха повела нас с няней в избу. Я с удивлением рассматривала большую комнату с лавками по стенам, с киотой, полной образов, в углу, со столом и большой печью.

Я никогда не была в избе, и все здесь меня удивляло. Комната была огорожена ситцевой занавеской, а наверху были какие-то странные палки.

Няня сказала мне, что это палати, где спать.

Мне стало очень скучно... Жаль было старой милой квартирки. Здесь все было такое чужое, незнакомое...

Мать мужа няни – совсем седая старуха – показалась мне очень строгой... Она недружелюбно поглядывала на меня и, наконец, спросила:

– А когда же ты, Грунюшка, повезешь барышню к ихним родным?

– Как только придет письмо оттуда, – ответила няня, – мы и тронемся.

В двенадцать часов старуха стала собирать обед, говоря, что скоро вернутся с поля муж моей няни, ее брат Федор с женой Марьей. Я тем временем освободила бедного Мишку из корзинки. Он выпрыгнул, встряхнулся и презабавно стал оглядываться, не узнавая нового места.

– Да ты никак с кошкой еще? – не совсем любезно проговорила нянина свекровь.

– Нельзя было оставить, Катенькин любимчик ведь это! – не спуская с рук своего сынишки, оправдывалась.

– Что ж, экую невидаль и к дяденьке потащите? – спроси-

ла меня старуха.

Я ничего не ответила. Я начинала ее бояться.

Наконец, к обеду явились муж няни, загорелый мужик с черной бородой, и ее брат Федор с женой.

Все они очень обрадовались ей, громко разговаривали, смеялись, шутили со мной и рассматривали меня, как невиданного зверька.

Мне было очень грустно. Когда няня придвинула ко мне тарелку со щами (они все ели из общей миски), из глаз моих полились слезы.

– Что ты, Катенька, голубушка? – беспокоилась няня, обнимая меня и целуя.

– По маменьке, знать, затосковала, сердешная, – печально улыбнулась Марья, и сразу ее ласка облегчила мое горе.

«Она добрая», – подумала я и крепко прижалась к моей няне.

Около меня сел молчаливый Ванюшка, нянин сынок, и все время не сводил с меня своих любопытных глаз. После обеда, состоявшего из щей и каши, все разошлись на работу. Няня помогла свекрови мыть посуду, и мне дали полотенце перетирать деревянные ложки и ножи.

В этот вечер, ложась спать на новом месте на одной постели с няней, я долго и горячо молилась за упокой души моей дорогой мамочки.

Глава шестая

Новая жизнь. Враги

Я уже неделю жила в няниной деревне и понемногу начала привыкать к новой жизни.

Нянина семья полюбила меня, называла меня Катенькой, а не барышней, Ванюшка не дичился меня, а устроил для моей Лили колыбельку из щепочек. Марья, приходя с поля, не раз приносила мне то ландыш, то подснежник.

Одна старая Ирина – свекровь няни – никак не могла, казалось, привыкнуть ни ко мне, ни к моему Мишке. С моим приездом она уступила мне свою широкую постель, где спала за ситцевой занавеской с Ванюшкой, и это ей не понравилось. От грубой деревенской пищи я было разболелась и меня возили к доктору в соседний город.

– Ишь, белоручка, – ворчала старуха, – ну, да ладно, привыкнешь, не велика птица.

И я понемногу привыкла. Правда, я постоянно думала и плакала о маме, долго беседовала с Лили о том, как нам будет тяжело жить у чужих, но все-таки я мало-помалу освоилась с семьей няни и помогала чем могла в хозяйстве: мела горницу, собирала на стол, мыла горшки и посуду и даже научилась ставить самовар.

– Ай да Катенька – молодец! – хвалила меня няня, и я вся сияла от этих похвал.

Мне не хотелось быть белоручкой – и вот однажды я, когда не было няни, сняла сапоги и чулки и стала пробовать ходить босиком по двору.

– Что ты, Катя? – удивился Ванюшка и захохотал во все горло.

– Хочу привыкать ходить по-деревенски, – важно ответила я.

Мелкие камешки и сучья впивались мне в ноги и больно царапали пальцы. Кое-где даже выступили капельки крови.

А Ванюшка все хохотал надо мною, пока не вернулась няня.

– Катенька, что же это ты такое затеяла? – вскрикнула она и, схватив меня на руки, побежала со мною в избу обмывать мои бедные исцарапанные ноги.

После этого я уже не пробовала ходить, как все деревенские ребятишки. Мне было далеко до них, как я ни старалась привыкнуть к их жизни. Жизнь в няниной деревне мне начинала нравиться, и скоро я бы окончательно полюбила ее, если бы не мои враги... Старая Ирина все сердитее и сердитее смотрела на меня. Но, кроме нее, у меня были еще два врага.

Не знаю, за что, большая рыжая корова невзлюбила меня и не раз грозно смотрела на меня, потрясая своими страшными рогами. Каждый вечер, возвращаясь с поля в стаде, Буренка, завидя меня на крыльчке, бросалась в мою сторону, страшно тряся головой.

Пастух шелкал кнутом, кричал громким голосом: «Куда, куда пошла!» Но это не помогало нисколько, и злая корова продолжала идти на меня... Я в ужасе вскакивала с крылечка и бежала в избу под защиту няни, пока Буренку не загоняли в хлев.

Не любил меня и старый мохнатый дворový пес Жучка... Как-то раз Мишка вздумал близко подойти к его конуре. Жучка окрысился на него, и от Мишки ничего бы не осталось, если бы я не схватила его на руки и не побежала с ним от злой собачонки. С этого времени Жучка не мог пропустить меня без ворчания мимо своей будки.

Но если у меня были враги, то были и друзья. Куры и цыплята очень любили меня и бросались ко мне со всех ног, лишь только я появлялась на крылечке с чашкой или тарелкой пшена.

– Цып, цып, цып! – звала я моих птичек и бросала им корм с крылечка.

У меня была любимая курочка Смолянка – вся черная, с белым хохолком на голове.

Так я жила в няниной деревне в ожидании письма от родных, в котором они бы написали мне, как и когда мне выехать в дорогу.

Глава седьмая

За ягодами

– Катя, а Катя, пойдешь, што ль, с нами? – спросил меня Ваня, проходя мимо огорода с целой толпой крестьянских ребятишек.

Я сидела между грядками и рвала траву, желая приготовить из нее салат моей Лили.

– А вы куда? – осведомилась я.

– В лес. Ягоды поспели!.. – крикнул на ходу мальчик, и дети веселой гурьбой направились к лесу.

Я сбегала в избу, надела на голову платочек, подаренный мне няней, и побежала догонять их, волоча за руку мою спутницу – Лили.

– Барышня бежит, барышня! – завидя меня, крикнули ребятишки и остановились подождать меня.

Лес был большой и темный, но ребятишки не боялись ходить туда; они знали каждый кустик, каждое деревце. Ванюша был в лесу как дома.

– Ты, Катя, ступай сюда, а я пойду туда, – сказал он, – а то на нас двоих ягод маленько будет.

Мы разошлись в разные стороны и стали громко переключаться.

– Ау, барышня!

– Ау-у-у, Федюшка!

– Ау, Ва-а-ня! – неслоь по лесу.

Мы все быстро перебежали с места на место, отыскивая в траве красные ягодки земляники.

Я уже набрала много ягод в мою маленькую корзиночку и теперь собирала ягоды прямо в рот. Они были такие сладкие, вкусные! Впереди их было так много: под каждым кустиком кивала красная головка.

Я шла все дальше и дальше в лес, позабыв о моих маленьких спутниках. Голоса их звучали где-то далеко, и скоро совсем их не стало слышно. Я зашла в чащу и увидела ручеек. На берегу ручья росло несколько спелых и крупных ягодок земляники. Я сорвала их и, присев на бережку, с удовольствием принялась их есть.

Вдруг раздался отдаленный удар грома. Я быстро вскочила на ноги. Небо было темное и покрыто тучами. Мне стало страшно. «Сейчас начнется гроза, и я не успею добежать до опушки», – мелькнуло в моей голове. К тому же в лесу стало совсем темно и не слышалось больше детских голосов.

– Ваня, ау! – крикнула я что было силы.

Но никто не ответил мне.

Тогда я поспешила назад к опушке и шла быстро-быстро, забыв даже на траве у ручья корзиночку с ягодами и мою бедную Лили.

Но чем дальше я шла, тем кусты и деревья росли гуще и чаще... Должно быть, я сбилась с дороги.

Глава восьмая

Лесные феи и злой колдун

«Господи! – подумала я. – Что мне делать, как выйти из этого леса?»

А в лесу стало еще темнее... Я собрала все мои силы и пошла наугад.

Деревья по-прежнему росли часто, и местами мне казалось, что я попала в какой-то заколдованный круг, из которого мне никак не выйти.

Мне вспомнились нянины сказки о лесных феях и злом колдуне, и это еще больше встревожило меня.

Наконец, ноги мои так устали, что я не могла идти дальше. «Заблудилась!» – с ужасом подумала я и, присев на большую, покрытую мхом кочку, горько-горько заплакала.

Я плакала долго-долго, пока голова моя не отяжелела и я не припала головой на мягкую кочку.

Не помню, сколько времени я пролежала так на моей новой, зеленой постельке... Меня вдруг привлек легкий шум в ближнем кусту. Я подняла голову и... чуть не вскрикнула. Из куста выходила маленькая нарядная девочка с блестящими крылышками и коронкой на голове. Она кивала мне головой и, улыбаясь, подходила ко мне.

– Я лесная фея, – говорила она звенящим голоском. – А вот и мои подруги, такие же феи.

Изо всех кустов являлись крылатые маленькие девочки и окружали меня.

– Мы маленькие феи! Здравствуй, милая девочка! – говорили они звонкими голосками. – Иди играть с нами. Мы выучим тебя летать по воздуху... Ведь мы тоже не умели летать, пока были простыми маленькими девочками и не заблудились в лесу, как ты.

– И вы теперь живете здесь? – спросила я, перестав бояться моих новых подруг.

– Да, мы теперь лесные феи, – ответила мне первая фея, – и нам хорошо здесь... Одно у нас горе... В этом лесу есть злой колдун, который гоняется за нами, чтобы нас съесть, но колдун только путает нас, но никогда не поймает, так как мы можем летать в воздухе.

– Никогда! Никогда! Никогда! – зазвенели голоса маленьких фей, и с веселым смехом они поднялись на воздух в веселой пляске.

– Колдун! Колдун! – вдруг неожиданно вскричала первая фея и все они мигом поднялись еще выше... Я обернулась назад и обмерла от страха. Прямо ко мне навстречу шагал страшный великан с длинной зеленой бородой, громадного роста.

Я вскрикнула, вскочила и бросилась бежать со всех ног. Но страшилище не отставало... Вот-вот, думалось мне, он сейчас схватит меня своими длинными руками.

Мне уже слышались за моей спиной его тяжелое сопенье

и злорадный хохот.

– Лучше всего упасть! – мелькнуло в моей голове, я с размаху бросилась на траву и... и проснулась.

Глава девятая

Злой колдун оказывается добрым волшебником

– Вставай, дитятко, вставай, бедная! Умаялась, – говорил мне чей-то ласковый голос.

Я открыла глаза и увидела старого, седого, высокого мужичка с длинной белой бородою...

«Колдун!» – подумала я и уже готова была снова вскочить и бежать без оглядки, но старик, видя, как я дрожала от страха, поспешил успокоить меня.

– Не бойся, ягодка! Ишь, ведь испужалась, сердешная! Заблудилась чай?

– Кто вы? – спросила я, немного успокаиваясь.

– Я дед Сысой, лесной сторож! А ты за кого же меня приняла, барышня?

Мне было стыдно признаться, что я приняла лесного сторожа за колдуна, и я ничего не ответила.

Дедушка Сысой расспросил меня, как я попала в лес и откуда. Я рассказала ему все и просила поскорее проводить в деревню, чтобы успокоить няню.

– Да знаешь ли, барышня, что твоя деревня-то ой-ой как далеко, – покачал головой Сысой, – и теперь ты не сможешь дойти. Переночуй-кась у меня в избушке, а завтра я тебя от-

веду с богом.

Нечего было делать – пришлось ночевать в лесу в маленькой сторожке деда Сыся. До его жилья было очень близко. Избушка была скрыта деревьями, и лишь по огоньку, мелькавшему в окошке, мы нашли ее.

Комнатка показалась мне крошечной, но я так устала и измучилась, что рада была хоть такому жилью.

Дедушка Сысой налил в глиняную чашку горячих щей и, отрезав два больших ломтя черного хлеба, позвал меня ужинать. Черный хлеб и горячие щи очень понравились мне. Я порядочно проголодалась и поела с большим аппетитом. Помяясь богу, Сысой устроил мне на лавке постель из своего кафтана и одеяла, а сам полез на лежанку.

Я долго не могла уснуть, поминутно пугаясь крика совы и других лесных звуков, но, наконец, уснула мирным и сладким сном.

Утром, с восходом солнца, старик разбудил меня, и мы тотчас же пустились в дорогу.

Чем ближе подходила я к деревне, тем больше волновалась за няню. Бедняжка, верно, все слезы выплакала, когда узнала о пропаже своей маленькой Кати. Уже у самой опушки леса встретили мы Василия и Федора, искавших меня целую ночь. Они и не подозревали, что я могла уйти так далеко и ночевать у Сыся, жившего чуть не за 10 верст от опушки. Добрые люди очень обрадовались мне. Няня, оказывается, страшно плакала и не спала целую ночь.

– И Ванюшке досталось, что недоглядел, – рассказывали они.

Няня издали увидела меня и, смеясь и плача, бросилась со всех ног навстречу...

– Уж больше ни на шаг не отпущу, Катенька: ахти, грех какой! – говорила она, покрывая мое лицо и руки поцелуями.

Все обрадовались мне. Мишка бросился ко мне и стал ластиться у моих ног. Ирина и та взглянула ласковее... А Марья дала мне припрятанный ею для меня паточный леденец. Все благодарили Сысою и угощали его в избе, чем бог послал. Тут только я вспомнила, что чего-то мне не хватает.

Боже мой. Лили! Моя бедная Лили осталась у ручья в лесу – сторожить мою корзиночку с земляникой.

– Что с тобой, Катенька, о чем ты? – спросила няня, видя, что я собираюсь плакать.

– Ах, няня, няня, я забыла в лесу мою Лили!

– Это куклу-то! – засмеялись мужички. – Ну, бог с ней, пусть останется у дедушки Сысою погостить на вольном воздухе.

Они шутили, не подозревая, как мне жаль моей Лили. Ее мне подарила мама.

Глава десятая

Как я стала учительницей.

На сенокосе

Прошла неделя с моего приключения в лесу. Как-то утром няня принесла мне письмо, полученное от дяди. Дядя ждал меня к себе и очень радовался, что у его дочери Лизочки будет новая подруга.

«Я думаю, что ты. Катя, очень похожа на свою маму, с которой мы были так дружны! Приезжай скорее, мы все ждем тебя».

Так заканчивалось письмо дяди.

– Едем, едем, нянечка! – запрыгала я от радости вокруг моей дорогой няни.

– Поедем-то мы поедем, Катенька, да только не сейчас; вот сенокосы подходят, и матушка просит меня остаться помочь им в уборке сена. А там и наш праздник храмовой поспеет и надо будет сходить на богомолье в город, там и ярмарка три дня бывает! – пояснила мне няня.

Я никогда не была на ярмарке и потому даже обрадовалась остаться. Мне даже немного жалко было расстаться с деревней, где я успела привыкнуть к Марье, Смолянке, огороду и белобрысому Ванюше.

Дяди, тети и кузины Лизочки я еще не знала, а здесь мне

все было знакомо: вот почему я и не огорчилась особенно отложенным отъездом.

Одно меня печалило: постоянное ворчание Ирины... Я заметила, что строптивая старуха очень любит своего маленького внука и неохотно отпускает его от себя даже в школу.

– Балуются они там только, а он азы твердит... – ворчала она не раз, отправляя Ваню в школу.

У меня между игрушками была припрятана моя старая азбука, по которой мамочка учила меня читать.

Как-то вечером я показала ее Ванюше. Он увидел хорошенькую книжку с картинками и сказал, что по такой-то легче учиться, нежели в школе.

– Хочешь, я тебя выучу? – предложила я мальчику.

– Ты-то? – недоверчиво покачал он головою. – Ты разве учительница?

– А ты попробуй!

Усадив его в огороде между грядками капусты, я стала водить пальцем по странице и называть ему буквы. Буквы Ваня еще выучил в школе, и мне оставалось самое трудное – выучить его складам.

Склады подвигались медленнее, Ваня старался до поту и скоро сложил слова: баба, мама и вода.

Мы уже принялись за слово изба, как вдруг послышалось мычание возвратившегося стада, и злая Буренка заглядывала за плетень огорода.

– Ну, на сегодня довольно, а завтра будем еще учиться, –

сказала я и, чтобы подбодрить моего ученика, прибавила: – Когда ты выучишься читать – я подарю тебе эту книжку.

Ванюшка так обрадовался моему обещанию, что сам торопил меня садиться за книжку. Ирина очень довольна была нашими занятиями и смотрела на меня гораздо ласковее.

– Не балует парнишка! С ребятами не дерется, и то хорошо! – говорила она и даже погладила меня как-то по головке.

Между тем наступили сенокосы. Мы с Ваней с утра побежали в поле, где уже работали «старшие». Я едва узнала няню в сарафане и платочке.

– Нянечка, какая ты смешная! – крикнула я ей еще издали. – Зачем ты так оделась?

– Жарко, Катенька, да и в городском платье косить неудобно.

Я села на скошенное место и смотрела, как красиво ложилась высокая, зеленая трава под косами работников. Они косили без отдыха, изредка только кто-нибудь из баб подходил покормить и покачать ребенка, спавшего тут же на сене, или испить квасу, принесенного ребяташками из деревни.

– Катя, Катя, беги сюда, беги скорее, – кричала мне няня, отошедшая довольно далеко.

Я вскочила с травы и кинулась к ней взапуски с Ванюшей.

Глава одиннадцатая

Нянина находка

– Тише, дети, тише, не растопчите! – останавливала нас няня, закрывая от нас собою что-то лежащее в траве.

– Что это там, нянечка? – сгорала я от любопытства.

– Да это птенчики! – вдруг весело вскричал Ванюша, успев заглянуть через руку матери.

– Птенчики, да, нянечка? – и я наклонилась к траве и увидела маленькое гнездышко, в котором пищали четыре крохотные, еще почти голенькие птички.

– Это они мать кличут, ишь как зовут-то, сердешные! – ласково говорила няня и, взяв гнездышко в руки, стала согрывать птичек своим дыханием.

– Мама, мы их домой возьмем? – спросил Ваня.

– Нет, нет, как же они без матери останутся, они умрут! – возразила я.

Мне очень хотелось взять домой малюток, выкормить их и вырастить, но мне было жаль их мамы – бедной маленькой птички, – мамы, которая, вероятно, полетела за кормом своим птенчикам и будет очень плакать, если не найдет своего гнездышка.

«А тут их съест кошка, или злые мальчишки разорят гнездышко», – вдруг пришло мне в голову.

– Что же делать, нянечка? – приставала я к ней. – Придуду-

май что-нибудь, пожалуйста!

– А дома съест Мишка! – догадался Ваня.

– Это правда, дети! И чтобы ничего этого не случилось, сделаем так. Птички останутся здесь до вечера, и мы покараулим – прилетит или нет к ним их мама. Если птичка не вернется в гнездышко, то мы унесем его с собою и поместим птичек там, где Мишка их не достанет. Только вы стерегите хорошенько.

Я и Ваня ужасно обрадовались новому занятию. Целый вечер до самого окончания работ мы не сходили с места, поджидая птичку. Но она не прилетела. Тогда мы с радостью взяли гнездышко с собой.

Мы с Ванюшей несли его по очереди до дома. Уморительно и жалко было смотреть на неоперившихся птенчиков, так смешно вытягивавших шейки и выводивших свое: «пиу, пиу».

Придя в избу, мы прежде всего заперли в кладовку Мишку, потом наловили комаров и червячков и накормили ими наших маленьких питомцев.

Они скоро перестали пищать и уснули, уткнув под крылышки свои большие желтые носики. Перед ночью, однако, они снова захотели есть и запищали на разные лады. Мы наловили комаров и накормили маленькое семейство.

Глава двенадцатая

В городе

Когда мы подходили на другое утро к городу, во всех церквах звонили в колокола. Няня не велела мне отходить от нее ни на улице, ни в церкви, боясь потерять меня в толпе.

Она крепко держала меня за руку, а Марья вела Ванюшу. На улице было очень шумно илюдно. Еле-еле пробрались мы к церкви и встали у паперти. В церковь нельзя было войти. Народ стоял там большой толпой, и нигде не было ни местечка.

По окончании службы из церкви понесли образа, и певчие со священником пошли на площадь и по улицам города.

– Это крестный ход, – пояснила мне няня и провела меня под самыми образами среди целой вереницы молящихся.

Мне было так весело и приятно слышать пение, видеть блестящие на солнышке ризы образов и пеструю толпу!

Мы пошли вслед за крестным ходом и вернулись снова к церкви.

– Ну, вот и помолились боженьке, – весело сказала няня, – а теперь закусим да и на ярмарку.

В церковной ограде многие богомольцы уже разложили свои пожитки и закусывали на скорую руку.

Тут же сидели и нищие, слепые и разные убогие, распевая духовные песни.

– Добрые люди, подайте бедному безногому! – раздался за нами жалобный голос.

Я обернулась и увидела несчастного калеку, у которого не было ног от самых коленей.

Мне стало до слез жаль его.

– Няня, нянечка, – шептала я, дергая няню за платье, – дай ему копеечку...

– Сейчас, Катенька, – и она полезла в карман и, достав медную денежку, подала мне для передачи бедняку.

Я протянула руку и чуть не вскрикнула: у бедного калеки не было ни одного пальца на руках.

«Господи! Господи! – думала я. – Вот мы все здоровые, довольные, сытые, а он, бедный, как должен мучиться! А я еще капризничая подчас, когда не исполняют мои прихоти, а у этого бедняка нету самого необходимого».

Глава тринадцатая

На ярмарке. Медведь напугал

– О чем ты, Катенька? – утешала меня няня, видя, что я горько плачу.

– Ах, нянечка, если бы ты знала, как мне жаль его! – призналась я.

– Что ж делать, моя девочка, слезами не поможешь, а вот лучше молись боженьке за всех бедных и убогих, и господь твоими молитвами поможет им.

– Да, да, нянечка, буду молиться! Непременно, – обещала я.

– Ну, а теперь пойдете на ярмарку, налево кругом марш! – скомандовал дядя Василий, поднимаясь с места.

– Платки, чулки, бусы, сережки, кольца! – раздался звонкий голос продавца-ларечника на одном конце площади.

– Леденцы паточные, орехи каленые, пряники свежие! – кричал другой голос.

– Шелк, сукно, бархат, ленты! – выкрикивал третий.

У меня голова кружилась от этого шума. Я крепко прижималась к няне, боясь отстать от нее на шаг.

Деревенские дети и девушки в ярких сарафанах сновали между ларьками, покупали гостинцы и бойко торговались...

– Что тебе купить, Катенька? – спрашивали меня с двух сторон то Марьюшка, то няня.

Ванюша уже получил от отца сусального конька и целую шапку орехов.

– Дудку бы еще, тятя, – попросил мальчик.

– Ну, дудку – так дудку! – и дядя Федор сторговал племяннику дешевую игрушку.

Ванюша весь сиял от удовольствия, прижимая к груди подарки. Мне, избалованной городской девочке, не могли нравиться эти дешевые, грубые игрушки, и на вопрос «что мне хочется» я поблагодарила няню и попросила ее позволить мне прокатиться на карусели.

– Ну, хорошо, – согласилась няня, – дядя Василий проведет тебя к каруселям; только ты слушайся его и будь умница.

Василий взял меня за руку и подвел к палатке, в которой кружилось под музыку несколько деревянных лошадок с седоками и саночками.

Меня посадили в саночки, и я закружилась очень быстро... К Василию в эту минуту подошел его знакомый мужичок, и они разговорились неподалеку от карусели. Лошадки и саночки кружились все скорее и скорее... Наконец они остановились. Я вылезла из саночек и хотела подойти к Василию, как вдруг около меня поднялась суматоха.

– Медведь! Медведь идет! – кричали кругом. Я страшно испугалась и чуть не закричала, но скоро успокоилась.

Медведь был на цепи... Его вел хозяин. Я видела медведей до сих пор на картинках и в клетке в Зоологическом саду, куда меня водила мама. А тут вдруг большой, настоящий

медведь на воле, совсем около меня! Мне стало страшно... Я хотела позвать дядю Василия, но толпа, подошедшая смотреть медведя, заслоняла его от меня.

– А ну-ка, Мишенька, как ребята горох воруют! – закричал вожак.

И Мишка, смешно переваливаясь, показывает вид, точно что-то собирает на земле и кладет в карман. При этом он так смешно оглядывался по сторонам, что все хохотали.

– Ну-ка, а теперь, Мишенька, как бабы за водой ходят! – сказал вожак и подал медведю палку.

Тот положил ее на спину вроде коромысла и пошел вокруг переваливаясь.

– Ай да Миша, молодец! – кричали в толпе. – А ну-ка еще, еще!

Но медведь больше не хотел, устал да и жарко было. Как ни уговаривал его хозяин – он не слушался.

– Ишь ты, какой упрямый, ну, погоди же, я тебя выучу слушаться, – рассердился вожак и изо всей силы ударил Мишку. Медведь зарычал и вскочил на ноги так быстро, что вырвал цепь из рук вожака и бросился в толпу. Все со страшным криком кинулись в разные стороны. Я побежала, громко крича и плача, по площади вслед за толпой. Мне все казалось, что страшный Мишка гонится за мною, и я все бежала, бежала без оглядки по длинным, незнакомым улицам... и, наконец, забежав в какой-то пустынный дворик, упала на крыльцо маленького домика.

Глава четырнадцатая

Маленький Альф из цирка господина Ленча

– Девочка, а девочка, что с тобою? Зачем ты лежишь здесь? Ты больна? – услышала я тоненький голос.

Я открыла глаза и увидела маленького, худенького мальчика в старом рваном костюмчике.

– Как тебя зовут, – спросил меня мальчик, – и как ты здесь очутилась?

Я рассказала ему, как попала на ярмарку, испугалась медведя и потеряла няню.

– А ты кто? – спросила я моего нового знакомого.

– Я – Альф... Канатный плясун из цирка господина Ленча.

– Ах, так ты, значит, тот маленький мальчик, который ходит по канату на воздухе? – удивилась я.

Я вспомнила, как мама водила меня в цирк смотреть на клоунов, акробатов и дрессированных собачек.

– Да, я хожу по канату. Но, знаешь, девочка, лучше тебе уйти отсюда, прежде чем придет хозяин домой. Он теперь в цирке готовится к вечернему представлению, но беда, если он вернется.

– Но почему же? Твой хозяин, наверное, научит меня, как

отыскать няню, и даже проводит к ней.

– Нет, девочка, ты не знаешь нашего хозяина. Он собирает маленьких девочек и мальчиков и учит их разным трудным штукам. Теперь у нас умерла самая маленькая девочка – Роза, которую называли «Воздушная фея», ее некому заменить. Если хозяин увидит тебя, он уже не отпустит тебя домой и ты займешь место Розы.

– А он дурно обращается с вами? – со страхом спросила я мальчика.

– О, хозяин очень злой человек, он больно бьет нас и плохо кормит. Ах, как страшно ходить по канату, если бы ты знала! Но нельзя показывать боязни, а надо улыбаться... Иначе господин Ленч больно прибьет после представления... Ну, пойдем же, я выведу тебя на ярмарочную площадь, пока не пришел хозяин, – спохватился мой новый знакомый и, взяв меня за руку, повел по улице.

Глава пятнадцатая

Маленькая наездница Клара

Мы прошли несколько шагов, как вдруг маленький Альф выпустил мою руку и весь затрясся от страха. Прямо нам навстречу шагал толстый, высокий господин в большой шляпе, ведя за руку девочку моих лет или немного старше, с капризным надутым личиком!

– Ты что тут делаешь, бездельник, и откуда эта девочка? – грубо крикнул хозяин.

– Я нашел девочку у нас на дворе и вел ее в цирк, сударь, – проговорил Альф дрожащим голосом.

– Нечего тащить ее туда. Иди за нами! – приказал господин Ленч строгим голосом.

– Но я хочу к няне, – заплакала я.

– Делай, что тебе сказано. Няни ты все равно не найдешь, а останешься у нас. Мне нужна маленькая наездница.

Видя, что я готова разрыдаться, Альф стиснул мою руку и шепнул: «Ради бога, не плачь, не сердь его, мы убежим с тобою, убежим непременно!»

Господин Ленч привел нас домой и запер меня на ключ в какой-то грязной, маленькой комнатке. Я горько плакала, билась в дверь, звала няню. Напрасно... меня никто не слышал. Наконец, измученная слезами, я упала на пол и сразу заснула.

На другой день я едва успела проснуться, как щелкнул замок и вошел в комнату мой новый хозяин.

– Послушай, девочка, ты останешься у меня; я тебя выучу проделывать всякие штуки на лошади и, если ты будешь умной и послушной, дам тебе гостинцев и игрушек, а если начнешь упрямиться – берегись! Со мной шутки плохи. А теперь ступай в цирк, да только прежде зайди к мадам Ленч: она переделает тебя в Клару... И чтобы ты не забыла свое новое имя, слышишь!

Мадам Ленч – толстая и рыхлая барыня – сняла с меня мое платье и одела в коротенькую юбочку и узкую кофту ее дочери. Мои волосы, заплетенные в две косы, она отрезала большими ножницами и завила на щипцах мелкими кудряшками. Потом надела мне на голову широкую шляпу... Я совсем изменилась, и, наверное, даже няня не узнала бы меня в таком виде.

В цирке, большом сером сарае, меня подвели к смирной белой лошади и посадили на широкое седло.

Я вся дрожала от страха упасть. Господин Ленч научил меня править и крепко сидеть в седле. Он так страшно смотрел на меня злыми глазами и так громко кричал, что я боялась его гораздо больше лошади.

Пол цирковой площадки был усыпан песком, и упасть было не страшно. Но за кого я боялась – так это за Альфа. Он кувыркался на воздушной трапеции очень высоко над землей, готовясь к вечернему представлению.

– Очень хорошо, девочка! – сказал мне хозяин, когда прислужник снял меня с лошади, – на тебе леденец за то, что была понятлива, – и он протянул мне конфетку и пошел смотреть на Альфа.

В эту минуту на арену выскочили два больших клоуна, которые прыгали друг через друга, катались по песку и награждали друг друга шлепками и пощечинами.

Выехала на маленьком ослике и сама малютка Ленч. Она важно сошла с седла и протанцевала какой-то живой танец на песке.

Два мальчика. Боб и Ганс, одетые индейцами, преследовали ручную обезьянку Макаку.

Хозяйская дочь подошла ко мне и гордо сказала:

– С сегодняшнего вечера ты будешь одевать меня к представлению.

В эту минуту Альф кончил свои упражнения и слез к нам по канату.

– Что это у тебя? – спросил он, увидя в моей руке леденец, данный мне хозяином.

– Возьми, если хочешь, я не хочу сладкого, – протянула я моему товарищу конфетку, но подоспевший Боб перехватил ее и запихал себе в рот.

– Не зевай, – громко расхохотался он в лицо бедному Альфу.

– Ну вы, тише! – сердито прикрикнула маленькая хозяйка – Маргарита, или Марго, как ее называли в цирке.

Глава шестнадцатая

Я начинаю свою службу. Первая неудача

Вечером было большое представление в цирке. Все ушли туда, а меня снова заперли в той же маленькой комнате. Господин Ленч боялся еще выпустить меня, думая, что меня будут искать и узнают в маленькой наезднице Кларе пропавшую Катю.

Три дня пробыл цирк в городе, и каждое утро я училась ездить верхом на белой лошади Светлане, а вечером меня запирали на ключ на время представления. Кормили нас очень плохо... Даже скромная деревенская нянина пицца казалась мне гораздо вкуснее этой картофельной похлебки и черного жесткого хлеба.

Я горько плакала, ложась спать в моей каморке, и горячо молилась, прося боженьку вернуть меня няне.

Из четырех детей труппы я подружилась только с Альфом – таким же бедным сироткой, как и я сама. Марго возненавидела меня с первого дня. Она была очень злая и капризная девочка... Боб и Ганс всячески дразнили и запугивали меня, поминутно дергая за волосы и неожиданно награждая пинками и щипками. А когда Альф заступался, они вдвоем набрасывались на бедного мальчика и колотили его по чему

попало.

Зато Альф был чудный, добрый ребенок. Избитый и обиженный, он уговаривал меня не плакать. «Мы убежим, Катя, убежим непременно!» – говорил он сквозь слезы.

Наконец, цирк снялся и мы пустились в дорогу.

Чем дальше отъезжали мы от города, тем суровее относился ко мне хозяин. В городах мы останавливались дня на три-четыре, а в иных и целую неделю.

– Ну, Клара, – сказал мне как-то господин Ленч, – сегодня ты выступаешь, довольно есть даром мой хлеб...

Я испугалась ужасно. Правда, я очень сносно ездил на Светлане, вскакивала в седле, ехала на полном ходу стоя или спиной к голове лошади и несколько раз подряд переворачивалась в седле, но каждый раз я дрожала от страха, боясь упасть.

Вечером госпожа Ленч одела меня в светлую блестящую юбочку и атласный лифчик.

После кривляний двух клоунов конюх вывел на арену Светлану.

Я видела, как Ганс и Боб высунули языки, а добрый Альф кивнул мне головой. Мне вспомнилась няня, которая так горячо любила меня, заменяя покойную маму. Я вся в слезах повернула Светлану обратно с арены, но в ту же минуту Ленч подскочил к лошади и, ударив ее хлыстом изо всей силы, процедил сквозь зубы:

– Берегись, дрянная девчонка, испортить мне представле-

ние!

Я увидела такое страшное и злое лицо, что опрометью бросилась назад. Сколько голов и огней! Все смотрят на меня – маленькую девочку, как я ловко прыгаю в седле и пере-скакиваю препятствия. Они не знают, все эти люди, как мне тяжело, трудно и как хочется плакать! Я увидела в креслах маленькую девочку, сидевшую подле ее мамы... Она смотрела с такой завистью на мое блестящее нарядное платье и на все мои фокусы.

– Глупенькая, маленькая девочка, – хотелось мне крикнуть ей, – не завидуй мне. Ты гораздо счастливее меня, у тебя есть мама и комната, и куклы, и няня, которая тебя любит. Тебя не обижают Ганс и Боб, и ты не дрожишь от страха каждую минуту! Ах, как бы мне хотелось поменяться с тобой!

А Светлана все скачет и скачет. Я прыгаю через большой обруч, стараясь не задеть его... вот еще один последний раз, и я могу уехать с глаз публики. Я еще раз посмотрела на маленькую девочку, сидевшую рядом с ее мамой, и вместо того, чтобы попасть в обруч, задела его и выбила из рук клоуна...

Глава семнадцатая

Апельсин доброго Альфа

– Скверная, гадкая лентяйка! Чего зазевалась? Что ты там не видела? Я тебя выучу глазеть по сторонам!

Я вся дрожала, слушая эту брань господина Ленча. Я боялась плакать... боялась извиняться. Он тряс меня в воздухе, сжав руками, как в тисках.

– На хлеб и на воду! В темную! Боб, отведи ее! В другой раз не будет упрямиться.

Я не поняла сначала, куда ведет меня злой Боб, и опомнилась только тогда, когда за мною щелкнула задвижка и я очутилась впотьмах.

Это была крошечная комнатка, где лежали костюмы и всякие принадлежности, сюда же сажали в наказание за проступки.

– Боб, не уходите, – просила я, слыша его шаги за дверью. – Дайте хоть огня!

– Ладно, и впотьмах посидишь, – крикнул в ответ мальчик, – не велика птица!

И он ушел, не слушая моих упрашиваний. Мне хотелось есть, я устала и страшно мне было в этой темной каморке.

Прижавшись в угол, я плакала навзрыд, ища няню, называя ее самыми ласковыми именами, точно она могла слышать меня.

– Если я попаду опять на свободу, я никогда, никогда не буду капризничать и упрямиться, а буду самой послушной девочкой, – обещала я, зажмуривая глаза, чтобы не видеть темноты.

Вдруг в дверь мою постучали.

– Кто там? – спросила я.

– Тише... Это я... Альфред, – раздалось за дверью. – Я убежал из дому и принес тебе кое-что.

– Альф, голубчик, как я рада!

Он вошел ощупью и сунул мне в руку булку и что-то круглое, холодное.

– Что это? – спросила я.

– Это апельсин, который мне бросили добрые господа во время моих фокусов.

Глава восемнадцатая

Я делаю успехи. Что посоветовал Альф

– А ты почему не ешь апельсин?

– Я уже съел свою долю. Мне бросили два апельсина, – сказал добрый мальчик, – только кушай скорее, а то мне надо уйти и унести корки, чтобы не заметили их завтра.

– Иди, Альф, и возьми апельсин, мне не хочется есть! – сказала я, чувствуя, что милый мальчик отдал мне свое первое, может быть, и последнее лакомство.

Он долго не хотел согласиться. Наконец, мы порешили разделить апельсин пополам и съесть его сообща.

Скоро Альф ушел, успокоив меня, что и в темноте со мною будет боженька и бояться мне нечего.

И правда, после ухода Альфа мне уже не было страшно.

Мы ездили из города в город, и я стала привыкать понемножку к моей новой жизни.

К тому же Альф не отходил от меня ни на минуту и мне было легче с добрым мальчиком. Я старалась угодить господину Ленчу и внимательно проделывала мои фокусы. Даже с Марго я научилась ладить, отдавая ей все, что мне бросали посетители цирка. А мне бросали больше, чем кому-либо, лакомств, потому что я была самая маленькая наездница.

Теперь я уже ездила не только на Светлане, но и на Арапчике – самой быстрой и опасной лошади.

Однажды мы приехали в большой город.

– Как он называется? – спросила я у старших клоунов.

– А тебе на что? Уж не хочешь ли ты сбежать? – засмеялся клоун Дик. – А город этот Т., и ты не убежишь, так как он очень далеко от твоей деревни.

Т... Какое знакомое название! Кто мне говорил об этом городе? Ах да! Вспомнила: няня писала в Т. моему дяде, у которого я должна была жить! Господи! Неужели я не найду моих родных! Помоги мне, боже!

Я все рассказала Альфу.

– Ты знаешь, как зовут твоего дядю? – спросил он.

– Да, знаю: дядя Петя.

– А дальше...

– Не знаю.

– Так тебе не найти его, милочка, – печально сказал Альф.

– Но, Альф, голубчик, значит, я никогда не найду родных!

Ведь отсюда мы уедем еще дальше.

Альф задумался и вдруг весело крикнул:

– Знаешь, Катя (он никогда не называл меня Кларой), я придумал вот что. Завтра, после утренних упражнений мы тихонько убежим из цирка, дойдем до городского и попросим его отвести нас в полицию. Там мы расскажем все, как было, и попросим написать в газеты, что ты ищешь своего дядю, а пока будем ждать в полиции...

– Ах, как хорошо ты придумал, Альф, – захлопала я в ладоши. – Только ты куда денешься?

– Я попрошу твоего дядю определить меня на место.

– Разве ты сумеешь работать? Ты ведь такой маленький...

– Я умею мыть посуду, колоть дрова, топить печи, чистить сапоги. Когда я был у мамы, она служила кухаркой и я помогал ей. Меня звали тогда Яшей, а не Альфом... Альфредом прозвал меня этот злой Ленч.

– Вот и отлично... ты будешь служить у дяди, а когда накопишь денег – поступишь в школу! – решила я, радуясь, что могу не разлучаться с моим другом.

Решили завтра спрятаться где-нибудь после упражнений и, когда Ленч уйдет домой обедать, бежать в полицию.

На следующий день господин Ленч был особенно сердит и поминутно злился. Он уже отхлестал Боба и Ганса за то, что они толкнули Марго, кричал на клоуна Дика и не раз грозил наказанием Альфу.

Но мы не огорчались. Я знала, что еще немного – и я не буду слышать этих криков, не увижу побоев.

Альф кончил свои фокусы, слез вниз и шепнул, проходя мимо меня:

– Постарайся, Катя, он скорее отпустит.

Глава девятнадцатая

Попались!

Я проделала в тот раз самые опасные штуки на бешеном Арапчике, но хозяин поминутно бранил меня и топал ногами. Я должна была показать новый фокус: подпрыгнуть с Арапчика, схватившись за канат, повиснуть на одной руке в воздухе, пока лошадь не обежит арены, и снова встать в седло. Это было очень трудно, но я исполнила все как следует.

Хозяин и тут не похвалил меня...

– Ай да Кларка! – крикнули Боб и Ганс в один голос. – Молодец девчонка! А Марго завидует, смотри-ка!

Марго стояла и смотрела на меня злыми глазами. Она поссорилась с мальчиками, и ей было не по себе.

– Вовсе не завидую! – кричала капризница. – Я лучше ее умею ездить. Только папа очень любит меня и не позволит мне ломать шею.

– Ну, уж ладно, ладно, знаем мы тебя! – смеялись и дразнили ее маленькие акробаты.

– Обедать! Эй, вы, команда! – раздался голос хозяйки, и все бросились переодеваться.

– Опоздали! – со страхом сказала я шепотом Альфу.

– Ничего! Они еще не скоро переоденутся, а мы тем временем спрячемся в «темной».

Мы незаметно пробежали конюшню и комнаты, в которых

содержались дрессированные собачки и стояла клетка с Макакой – ученой обезьянкой, и спрятались в темной комнате, где одевались Марго и сама хозяйка.

– Ах, как страшно, Альф! – шептала я.

– Не бойся, никто не найдет нас здесь. Слышишь, даже не зовут, значит, позабыли о нас.

И правда, в цирке все стихло... Верно, ушли уже обедать.

– Ну, Катя, выходи, – скомандовал Альф и вышел из темной.

Мы взялись за руки и бросились бежать.

– Куда? – раздался за нами зловещий голос.

Мы обмерли. Перед нами стоял хозяин с кнутом в руках.

– А-а, так вот вы как! Бежать! Ну, погоди, я выучу тебя, голубчик! Да и тебя тоже!

Я не успела крикнуть, как хозяин схватил меня за волосы и взмахнул хлыстом...

* * *

Мне было очень больно, руки, спина и плечи горели... Я лежала в той же темной каморке, где пряталась с Альфом. Кто-то кричал и плакал, зовя на помощь.

– Это Альф, его бьют! О, злой, гадкий Ленч, за что ты обижаешь маленьких, беззащитных детей! – плакала я.

Глава двадцатая

Я езжу на арапчике.

Неожиданный конец

Меня продержали до представления на замке. Потом меня одели, посадили на лошадь и велели быть внимательной. Проезжая в зал, я увидела бледного Альфа, избитого и еле державшегося на ногах. Добрый Альф кивнул мне по обыкновению и улыбнулся. Ему было больно, но он хотел утешить меня.

Я сама старалась улыбаться, когда въехала на арену...

Арапчик весело стал проделывать свои шутки, все скорее и скорее делая круги. Мне так хотелось взглянуть в сторону Альфа, где бедный мальчик ждал своей очереди.

Клоун Дик рассказывал что-то очень смешное, потому что весь цирк хохотал. Я отдыхала в седле перед самым трудным фокусом...

Кто-то сверху бросил коробочку конфет.

– Это мне? – кривляясь, спрашивал Дик.

– Это маленькой наезднице, – крикнули в ответ, и Дик протянул мне коробочку.

Я поклонилась добрым людям и передала конфеты конюху.

– Отнесите Альфу, – попросила я. Мне так хотелось чем-

нибудь порадовать моего маленького друга.

«Ах, няня, няня, – подумала я, – как тебе горько было бы, если бы ты узнала, как обидели твою Катю».

– М-Ше Клара! Вам начинать, – сказал конюх, и я поехала снова в круг.

Арапчик скакал очень быстро. Я встала в седле и ждала минуты, когда доскачу до каната, за который должна была уцепиться. Арапчик прибавил ходу и уже скачет так скоро, что у меня дух захватывает.

Раз! И я вишу в воздухе. А лошадка уже одна несется вперед.

Глава двадцать первая

Добрые люди

Мне так тяжело висеть на одной руке!.. все мое тело болит от кнута злого хозяина... Скорее бы Арапчик доскакал до меня...

Вот он близко, близко... Пальцы не слушаются и понемногу выпускают канат...

– Скорее, скорее, Арапчик, сюда, сюда, милый!

Арапчик уже близко. Мои пальцы не выдержали, и я падаю всем телом на деревянный барьер...

– Катя! Катя!

Кто это кричит? Мама? Няня? Ленч?

Нет, это он, мой маленький, избитый Альф.

– Катя! Катя!

И я больше ничего не слышу...

Я открыла глаза.

Как хорошо и тепло в мягкой постельке!

Это не соломенный матрас хозяина. Комнатка очень светлая и хорошо убранная... Около меня сидит какая-то добра на вид женщина и так ласково смотрит на меня...

Я пошевелинулась. Ах, как больно плечам и руке!

– Где я? – вырвалось у меня.

– Не бойся, милая девочка, тебе здесь хорошо и тебя будут очень любить.

– Кто вы? Добрая волшебница? Вы не отдадите меня Ленчу? Там злая Марго... Они будут бить нас с Альфом. А где же Альф?

– Яша! – в ответ на это позвала дама, и я увидела Альфа. Только он был совсем не тот, как прежде. Чистенький, умытый, в новом костюмчике.

– Катя! Милая, ты здорова! Как я рад! – сказал он, обнимая меня.

– Как мы сюда попали, Альф?

– Ты упала, Катя, и была очень больна... Когда ты упала, публика бросилась к тебе и бранила Ленча, тут был доктор. Он взял тебя и меня к себе и, узнав о том, что Ленч воровал и мучил детей, отдал его в полицию. Цирк закрыт, Ленч, верно, сидит в тюрьме.

– А Марго?

– Ах, не вспоминай ты про нее, она злая девочка. Ведь это она. Марго, подслушала, как мы хотели бежать, и передала своему отцу.

– Ах, как я рада. Альф, что мы не вернемся больше злому Ленчу! Только где же мы будем жить? Неужели добрый доктор оставит нас у себя? – спрашивала я.

– Оставит, дитя мое, и тебя, и твоего маленького товарища, – сказал чей-то незнакомый голос, и я увидела на пороге господина, который давно наблюдал за мною.

– Но у меня есть родные, тетя, маленькая кузина... Они, верно, беспокоятся обо мне и ищут меня.

– Не беспокойся, девочка, я уже дал знать твоему дяде, и он, наверное, доволен тем, что эти две недели ты пробыла у доктора и тебя тут вылечили.

Глава двадцать вторая

Неожиданность

– Значит, я уже так давно больна?

– Да, Катя, давно! Только ты не разговаривай очень много.

Завтра наговоритесь.

– Я бы очень хотела дать знать о себе няне, успокоить ее, – сказала я.

– Хорошо! Я напишу ей, как-нибудь узнаю ее адрес.

– Какой вы добрый! – воскликнула я. – И как мне хотелось бы, чтобы и мой незнакомый дядя был такой же добрый, как вы.

И я заплакала от радости, что есть такие добрые люди на свете.

Я уже почти поправилась. Мне было позволено сидеть в подушках и играть с Альфом. Как-то утром ко мне зашла в комнату маленькая девочка – дочь моего доброго доктора. Она принесла большую куклу, которая говорила «мама», «пата», закрывала и открывала глазки.

– Меня зовут Лиза, – сказала девочка, – и мы с тобой теперь будем играть каждое утро.

Альф устроил из подушек что-то вроде комнатки для большой куклы; я была ее мамой, Лиза – няней, а Альф наделал носовой платок на голову и был нашим поваром и лакеем.

Я рассказала Лизе о судьбе Лили, забытой в лесу, а на другой день девочка принесла мне такую же большую и нарядную куклу, какая была у нее самой.

– Возьми ее, она твоя, папа велел тебе подарить эту куклу за те мучения, которые ты перенесла в цирке у злого Ленча.

– Отлично, – захолопал в ладоши Альф, – мы ее назовем Клара.

Я начала уже ходить по комнате. Каждый день меня навещали доктор и его жена и заботливо, как родную, берегли меня.

Мне было очень хорошо у добрых людей, но я все-таки скучала без няни. Я так хотела ее видеть, что даже во сне бредила ею.

– Когда же я увижу няню? – спрашивала я то доктора, то его жену.

– Молись боженьке, Катя, и он поможет тебе увидеть ее! – говорили они.

Я помню, как-то вечером я особенно горячо помолилась: «Господи, – говорила я, – ты меня защитил и спас от злых людей, дал мне спокойную жизнь и добрых друзей. Помоги мне увидеть скорее няню!»

Я уснула с молитвою на губах. Проснулась я раньше обыкновенного. Слышу, кто-то заботливо укутывает меня одеяльцем, открываю глаза, вдруг... вижу няню, милую, дорогую няню...

– Няня! Нянечка! Это сон! Я сплю, да? – вскричала я, за-

ливаясь слезами радости и покрывая поцелуями лицо и руки моей дорогой кормилицы.

– Катенька! Катенька! – повторяла няня, осыпая меня своими ласками.

– Откуда ты? Как сюда попала? – спрашивала я, удивляясь ее неожиданному появлению.

– Да вот мне написали, что ты здесь, я собралась и приехала. Слава тебе, господи, что отыскала тебя! Уж я все глаза выплакала, как ты пропала. Чего-чего не думала! Господи боже, горя-то сколько было!

– Ах, нянечка, как я счастлива, что ты со мною... Теперь мне так хорошо... Мы скоро уедем к дяде... Но знаешь, няня, доктора мне жаль оставить и тетю, его жену, и Лизочку, и Альфа. Все они такие добрые, славные...

– Ну, даст бог, не скоро уедем, а может быть, и вовсе не уедем, Катенька; попросим дядю оставить нас здесь, он, может быть, и согласится.

– Попросим, попросим, нянечка, – обрадовалась я.

Няня рассказала мне о деревне: как там все горевали обо мне, как плакали Марья, Ванюшка; даже дед Сысой и тот приходил из сторожки узнавать обо мне.

– Он и Лили твою принес, нашел под кустом, – добавила няня.

– А Мишка?

– Жив и здоров, и Смоляночка гуляет, а птенчики твои выросли и улетели.

– А бабушка Ирина?

– Ворчит по-прежнему! – засмеялась няня и снова стала целовать меня.

Глава двадцать третья

Мое желание исполняется

Я совсем поправилась, и мне позволено было встать. Однажды утром няня одела, причесала меня и посоветовала сходить к моим благодетелям – поблагодарить их за приют и заботы обо мне.

Я пошла в столовую, где все сидели за чайным столом.

– Катя встала, ура! – обрадовались все, а Альф и Лизочка запрыгали по комнате.

«Как они любят меня и как жаль мне будет их покинуть», – подумала я и от души поблагодарила добрых людей.

– О чем же ты плачешь, Катюша? – спросила заботливая Марья Александровна, жена доктора, видя на глазах моих слезы.

– Мне жаль оставлять вас и не хочется ехать к дяде! – прошептала я.

– Да и не надо ехать! – весело крикнул доктор.

– Как не надо? – удивилась я.

– Да потому, что я твой дядя, это твоя тетя, а вот и кухня Лиза, и мы никуда не отпустим тебя, потому что дали слово твоей маме заменить ее.

И все они по очереди целовали и обнимали меня. Я ничего не понимала из всего происходящего. Добрая Марья Александровна, видя мое смущение, пришла мне на помощь.

– Да, тебе некуда уезжать, дитя мое, – сказала она. – Ты не можешь помнить, что было с тобой после твоего падения с лошади, потому что ты потеряла сознание. Тебя из цирка свезли в больницу, а Яша побежал в полицию и просил опубликовать в газете случай, происшедший с маленькой девочкой, увезенной издалека г. Ленчем и ищущей своих родных. Мы прочли газету и узнали из нее, что малютка Катя, дочь нашей дорогой покойной сестры, так близко от нас и...

– Так, значит, вы действительно моя тетя?

– Да, дитя мое, я твоя тетя, – подтвердила она, крепко целуя меня.

– Но как же я попала к вам? – недоумевала я.

– Тебя привезли из больницы в квартиру дяди и тети! Ты разве не помнишь? – сказал Альф.

Я действительно смутно припоминала какие-то сборы... как меня одели и понесли куда-то... потом большую карету, всю обложенную подушками, и чьи-то заботы и ласки.

Но все это было точно во сне и тогда я была уверена, что сплю и грежу.

И вот сон оказался действительностью.

– Яшу мы взяли к себе за его доброе сердечко и заботы о тебе, – сказала тетя. – Дядя решил оставить его у нас. Яша будет ходить в гимназию, чтобы стать образованным и умным мальчиком. Он еще порадует нас.

– Ах, дядя, тетя, Лизочка! Как я счастлива остаться с вами! – воскликнула я. – Няня, няня! Иди, иди же скорее...

Ты знаешь...

– Знаю, Катенька, все знаю, – прервала меня няня, вытирая передником счастливые слезы.

– И за что мне все это? – невольно вырвалось у меня. – За что?

– За то, – тихо и торжественно произнесла тетя Маша, – за то, дитя мое, что ты маленькая сиротка, а господь милосердный любит сирот и охраняет их своей святой десницей.

Часть II

Глава первая Спустя два года

Прошло два года...

Стояла зима, морозная, ясная. Мы, дети, не выходили из нашего садика, где дворник Иван устроил нам чудесную горку.

После возвращения Яши из гимназии мы опрометью кидались туда и катались с горы до самого обеда.

Яша уже год, как ходил в гимназию. Он очень вырос и изменился. Наверное, ни Ленч, ни его прежние товарищи по цирку, ни капризная Марго не узнали бы в этом здоровом, краснощеком гимназистике с звонким голосом прежнего молчаливого и задумчивого Альфа.

Изменились и мы с Лизочкой. Мои прежние платица, сшитые еще при покойной маме, едва доходили мне до колен, а волосы на голове настолько уже отросли, что я их заплетала в две толстые косички.

Я ужасно гордилась моими косичками и тщательно занималась заплетанием их каждое утро.

Кузина Лизочка изменилась меньше нас всех. Это бы-

ла прежняя маленькая девочка, белокуренькая и бледненькая, с большими и ясными синими глазками. Вся она, очень хрупкая и тоненькая, ужасно походила на дорожную фарфоровую куколку, которая стояла на туалете тети между прочими изящными вещицами. Только золотистые кудри казались длиннее да глазки смотрели внимательно и строго, как у большой.

Мы с Яшей горячо полюбили нашу новую сестричку. Всегда ласковая, нежная Лизочка была добрым ангелом нашей семьи.

Дядя и тетя обожали свою девочку, но одинаково и ровно обращались со всеми нами, не делая никакой разницы между мною – бедной сироткой-племянницей, чужим для них Яшей и родной дочерью. Часто няня говорила мне:

– Видишь, Катенька, какое вам с Яшей счастье выпало на долю! Как боженька-то все устроил хорошо! Каких добрых родителей нашли вы в дяденьке и тетеньке. Молись за них, Катенька, и бог тебя не оставит!

И я молилась, горячо молилась, и утром и вечером, когда на сон грядущий становилась на колени перед большим кикотом в тетиной спальне. Лампада, зажженная заботливыми руками няни, освещала тихим, мерцающим светом кроткое, святое лицо Божией Матери, так ласково смотревшей на маленькую девочку, шептавшую свои детские молитвы!

Господи, как хорошо мне было! Как я была счастлива среди добрых и милых родных, рядом с моей милой нянечкой, с

моим дорогим братом Яшей... Все, что я пережила в два года, что вынесла от жестокой руки злодея Ленча, – все это казалось мне теперь дурным сном и начинало постепенно изглаживаться из моей памяти...

Глава вторая

Яшина новость

– Катя, Лизочка! У меня есть к вам очень важное дело, – торжественно проговорил Яша, неожиданно вбегая во двор с ранцем за плечами.

Мы только что втащили на гору наши саночки и теперь стояли красные, запыхавшиеся на ее верхушке. Яша имел очень таинственный вид. Его глаза смотрели серьезно и важно.

– Что такое? – воскликнули мы в один голос. – Что случилось, говори скорее!

– А вот что! – тем же торжественным тоном продолжал Яша, влезая к нам на горку и усаживаясь на санки. – Вот что: сегодня утром наш классный наставник сказал, обращаясь к нашалившему Пете Волкову, моему товарищу: «Как тебе не стыдно, Волков, вечно проказничаешь... Еще теперь Яша Миронов тебя сдерживает немного, а что ты будешь без него делать, когда он от нас уйдет».

Я так и обмер. «Как уйдет? – невольно вырвалось у меня. – Как, Василий Васильевич, разве меня выключают?» И признаться, девочки, я готов был разреветься, но Василий Васильевич сразу успокоил меня, сказав: «Что ты, что ты, братец, тебя-то выключают? Примерного ученика, которым весь класс должен гордиться? Нет, голубчик, просто по просьбе

твоего дяди тебя переводят в петербургскую гимназию. А разве ты не знал? Тебе еще не говорили дома? Ну, верно, еще не решено окончательно... Да ты лучше, спроси-ка сам дядю – он тебе скажет». Ну, вот и все, девочки, что я хотел сказать, – закончил свой рассказ Яша.

– Как же так? Неужели ты уедешь от нас? – дрожащим голосом спросила Лизочка, успевшая за эти два года горячо привязаться к своему названому братцу.

В ее синих, лучистых глазках стояли крупные слезы, готовые скатиться на бледные щечки.

– Яша, Яшенька, Яшук, неужели ты уедешь от нас в Петербург, неужели уедешь, Яша? – твердила она, в то время как худенькие ручонки обвивали шею маленького гимназиста.

– Я ничего не знаю, право же, не знаю, Лизочка, – повторял растерявшийся Яша, – успокойся, милая, вот Катя же не плачет! Катя умница!

– Катя оттого не плачет, – уже капризно заговорила Лизочка, – что, верно, ей не жалко тебя, верно, она не так тебя любит, как я!

И она посмотрела на меня сердитыми глазками и потешно надула свой пухлый, пунцовый ротик.

Как она ошибалась, Лизочка! У меня замирало сердце от страха расстаться с Яшей, с моим милым братцем, с которым привыкла делить радость и горе!

Расстаться с Яшей! Нет, никогда! Это было бы до того

ужасно, что я бы, кажется, не пережила разлуки! Но что же делать? Идти к дяде и тете и упросить их не отсылать Яшу в Петербург? Но они могут рассердиться за мое вмешательство. Ведь если Яшу переводить в петербургскую гимназию, так, значит, это так и надо. «Старшие» знают больше нас, детей, и, вероятно, все уже обдумали, прежде чем принять решение...

Я старалась успокоить себя такими рассуждениями, но сердечко мое невольно сжималось, а на глаза поминутно наворачивались непрошеные слезинки.

Я не запомню другого такого печального обеда, какой был в тот памятный для меня день! Яша сидел за столом молчаливый и сосредоточенный. Лизочка почти ничего не ела, даже своих любимых трубочек с взбитыми сливками, чем привела в огорчение толстую кухарку Маврушу. Я через силу давилась жарким и пирожным, чтобы не дать заметить моего волнения. Я была немного старше Лизочки и должна была подавать пример моей маленькой кузине.

Дядя и тетя заметили, наконец, наше волнение и ласково спросили, не случилось ли чего с нами. Тогда Лизочка, вся красная и встревоженная, выскочила из-за стола и, бросившись к матери, зарыла свое личико в ее коленях, повторяя сквозь слезы:

- Мамочка... мамочка... голубушка... дорогая... не отправляй Яшу в Петербург!.. Не отправляй, милая.
- Лизок... ты что, девочка, о чем? – испуганно спрашива-

ла тетя, нежно лаская рукой ее белокурую головку.

Встревожился не на шутку и дядя. Он строго взглянул на Яшу, как бы спрашивая у него причину этих слез. Яша виновато опустил свои добрые глаза и, поминутно путаясь и поправляясь, объяснил, в чем дело.

Чем дальше слушал дядя, тем лицо его становилось ласковее и веселее, а когда Яша кончил, он встал из-за стола, подошел к Лизочке и, подняв ее личико, залитое слезами, спросил:

– Так ты плачешь, детка, оттого, что тебе жаль расстаться с братцем?

– Да, папа! – могла только выговорить Лизочка.

– И тебе его жаль, Катя?

Я молча кивнула головой.

Я боялась, что если скажу хоть одно слово, то расплачусь не меньше моей кузиночки.

– Ну, успокойтесь, ребятишки, – весело проговорил дядя. – Вам не придется расставаться с вашим другом... Не хотел я вам говорить этого раньше, да вот сама судьба за меня распорядилась... Василий Васильевич проговорился, и скрывать больше от вас нечего. Вас ждет большая новость: мы переезжаем на постоянное житье в Петербург... Яша поступает в одну из петербургских гимназий, и вы не расстанетесь с ним, даст бог, никогда. Лизок, утри свои хорошенькие глазки, и чтоб я не видел больше проливного дождика! Ну, рассмейся же, раз, два, три!

Едва кончил дядя, как Лизочка весело завизжала, что у нее всегда означало выражение восторга, а мы с Яшей повскакивали со своих мест и запрыгали от радости. Путешествие в Петербург казалось нам таким заманчивым и веселым! Особенно радовалась я, не забывшая большого и шумного города, где жила вместе с моей дорогой, незабвенной мамой.

Когда миновал первый взрыв восторга, мы забросали дядю и тетю вопросами: когда мы едем? Что берем с собой? Где будем жить? Поедет ли с нами толстая Мавруша, которая так хорошо готовит трубочки с взбитыми сливками? Кстати, вспомнив о трубочках, мы не отказались отдать честь вкусной стряпне и через пять минут няня приняла со стола пустое блюдо.

Глава третья

Сборы. Снова в путь-дорогу!

– Катя, Катенька, ты берешь кукольный сервиз? Он наполовину разрознен, и я думаю, не лучше ли отдать его бедным, – кричала мне из нашей детской няня, укладывавшая в дорожную корзину мои и Лизины игрушки.

Я на минуту задумалась... Сервиз был мне подарен Яшей на его первые карманные деньги, и мне жаль было отдавать в чужие руки эти поломанные, но дорогие мне чашечки и блюдечки.

– Нет, сервиз я возьму в Петербург, няня, а бедным детям мы отдадим что-нибудь другое, – ласково ответила я и стала помогать ей заворачивать игрушечную посуду в чистые тряпочки и класть их в корзину.

Как мало напоминали мне эти сборы в дальнюю дорогу те, что происходили больше двух лет назад в маленькой квартирке, где скончалась моя дорогая мама! Там все было тихо и печально. Здесь шумно и весело. Поминутно слышался серебристый голосок Лизочки и веселый смех Яши.

Тогда я ехала в чужую семью, в чужой город, не зная, будут ли там любить меня – избалованную материнской лаской девочку. Теперь мне нечего было бояться. Я ехала со своей семьей, где меня любили и баловали, как родную дочь! И я была счастлива.

Был счастлив не менее и Яша. Он не ходил больше в гимназию и помогал укладываться дяде и тете. Мы с Лизочкой тоже беспрестанно предлагали свои услуги, но только мешали старшим, суетясь без толку и подавая не то, что было нужно.

– Нет, уж лучше не помогайте, – заметила тетя, когда Лиза, желая услужить, потащила со стола большую фруктовую вазу, но не выдержала ее тяжести и выпустила ее из рук.

Ваза разбилась вдребезги.

Мы сами, наконец, сознались, что мы плохие помощницы, и, усевшись на диван в гостиной, стали разговаривать о предстоящем длинном путешествии.

Уроки наши прекратились на время сборов. Тетя сама занималась с нами – девочками и теперь, конечно, не имела времени продолжать занятия.

Наконец, сборы были окончены. Все было уложено и запаковано. Наступил день отъезда.

Стоял морозный зимний денек. Мы поднялись рано-рано и с утра приставали к старшим с вопросами: скоро ли поедем?

Наш городок лежал в ста верстах от железной дороги, и ехать до станции приходилось на лошадях... При одной мысли о предстоявшем нам путешествии в возке на тройке быстрых лошадок мы готовы были прыгать от радости.

И вот, наконец, этот возок, запряженный быстрой тройкой, подан к крыльцу.

Дядя, тетя и мы, трое детей, должны были уместиться в нем. Няня и Мавруша поехали за несколько дней раньше: няня, знавшая город, вызвалась найти квартиру.

– В тесноте да не в обиде, – говорил дядя, усаживая всех нас и заботливо укутывая наши ноги пледом и одеялами.

Мы поминутно высовывались из возка, чтобы еще раз взглянуть на милый домик и двор с палисадником, где провели столько хороших, счастливых деньков.

– Прощай, сад, и дом, и дворик, все прощайте! – растроганно проговорил Яша.

– И горка прощай! И наша улица! – вторила ему Лизочка.

А я замолчала. Теперь мне было немного грустно уезжать из тех мест, к которым я успела привыкнуть, хотя впереди меня и ждал старый знакомый – Петербург, с которым было связано столько родных и милых воспоминаний!

Наконец, мы разместились. Лошади тронулись, и кибитка заскользила по гладкой и ровной пушистой дороге.

Мы, тесно прижатые друг к другу, в теплых шубках и валенках, с лицами, до самых глаз укутанными большими теплыми шарфами, высунулись в последний раз из возка, чтобы еще раз взглянуть на оставленное родное гнездо. У калитки стоял дворник Иван, оставшийся при доме в ожидании нового хозяина, и махал нам шапкой...

Наконец, возок завернул за угол и наша улица, домик и Иван – все исчезло из виду.

Глава четвертая

На постоялом дворе

Дорога по-прежнему шла мягкая, ровная. Наш возок точно скользил по пушистому и гладкому белому ковру... Лошадки бойко бежали, позвякивая колокольчиками... Солнышко то сияло радостной улыбкой, то внезапно пряталось... Маленький снежок шел, не переставая.

Было три часа дня, когда мы подъехали к станционному домику, чтобы переменить лошадей, да, кстати, и пообедать. Нам было ужасно весело, несмотря на то что ноги заоченели и затекли от долгого сидения.

Мы смеялись на большую черную собаку, лаявшую страшным басом из своей будки, смеялись на крошечную девочку, выскочившую нам навстречу в большой и неуклюжей материнской кофте...

– Как тебя зовут? – спросила Лизочка, смотря на нее своими смеющимися глазками.

– Манька, – ответила девочка тоненьким, как у птички, голоском.

– А сколько тебе лет? – приставала Лизочка.

– Не зна-а-аю! – протянула девочка.

Мы так и покатались со смеху.

Какими вкусными кислыми щами и простой, на сале жаренной кашей угостил нас хозяин постоялого двора! За обе-

дом мы смеялись и болтали, не переставая.

– А ямщику дали водки? – спросил неожиданно дядя. – Яша, отнеси-ка ему! – добавил он, подавая стакан мальчику.

– А он обедал? – осведомилась всегда о всех заботливая Лизочка.

– Обедают, будьте покойны, добрая барышня, – ласково улыбаясь, сказал хозяин.

Он все время ласково поглядывал на нас своими добрыми старческими глазами.

Было уже довольно поздно, когда мы, отдохнувшие и насытившиеся, сели в возок и тронулись с постоянного двора, напутствуемые добрыми пожеланиями старика-хозяина.

Погода изменилась к худшему. Мелкий снежок, моросивший с самого утра, стал к вечеру падать крупными хлопьями. На опушке леса ямщик наш повернулся к нам с козел и спросил дядю:

– А что, барин, не вертать ли обратно?

– А что?

– Да как бы метелица не разыгралась... ведь след потеряем – в лесу заночевать придется.

– И то, не вернуться ли? – озабоченно вставила тетя.

Но мы, дети, всполошились против этого. Провести ночь в возке на открытом воздухе нам казалось так сказочно заманчиво!

– На постоянном дворе тараканы, а я ужасно боюсь тараканов, – тянула капризным голоском Лизочка, высовывая из-

под теплого платка свой покрасневший носик.

– А волков не боишься? – засмеялся дядя.

– Нет, не боюсь, – храбро заявила девочка, – ведь с тобой ружье, папа!

– Ну, ладно, не трусить только, едем! – согласился дядя и громко прибавил, обращаясь к ямщику: – Подгони-ка маленько, чтобы до ночи выбраться из лесу.

Тот только головой мотнул да прикрикнул на свою тройку. Лошадки побежали еще быстрее. Колокольчик громко звенел под дугой, над самой гривой коренной серой, и возок быстрее заскользил по гладкой снежной дороге.

А ветер делался все сильнее и сильнее. Хлопья снега все чаще и чаще ударяли о верх кибитки.

Дядина борода, усы и шапка казались совсем белыми. Тетя плотнее закутала нас с Лизочкой большими оренбургскими платками и останавливала поминутно, прося не разговаривать. И Яша приумолк. Он забился в самый угол кибитки и, кажется, дремал, положив голову на теплый рукав дядиной шинели.

Я уже не видала больше впереди нас серой спины ямщика. Его кафтан сделался весь белый от снега, и сам он был очень похож на тех белых старичков-кукол, которые вешаются на елку.

Начинало заметно темнеть. Дядя приказал зажечь фонари, но, как ни старался наш ямщик, фонари гасли от порывов сильного ветра, и мы ехали в густых сумерках.

Мне стало холодно ногам и захотелось спать. Лизочка давно дремала в своем уголку, забавно потягивая носиком. Я подвинулась к ней поближе и очень скоро уснула сама.

Глава пятая

Метель. Волки

Проснулась я, когда было совсем темно. Возок не двигался. Лизочка, позабывшая спросонья, что мы находимся в дороге, требовала, чтобы зажгли лампу. Яша старался зажечь спичку, но руки его окоченели и не слушались.

– Что, сбились? – тревожно спрашивала тетя, стараясь говорить как можно спокойнее, чтобы не испугать нас.

– Известно, сбились, – ответил ямщик недовольным голосом и стал понукать тройку.

Но лошади стояли. А кругом белели сугробы и ветер жалобно выл какую-то дикую песенку.

У меня сильно закоченели ноги, и я старалась отогреть их, ударяя одну о другую.

– А где же папа? – испуганно вскрикнула Лизочка, видя, что дяди Пети нет на его прежнем месте в кибитке.

– Успокойся, деточка, папа пошел искать дорогу! – поспешила ответить тетя.

Но Лизочка еще сильнее взволновалась. Она плакала и твердила, что папа заблудится и что его съели волки.

Мне самой было страшно в этом большом лесу, где так громко свистела и выла вьюга.

Один Яша был спокоен по-прежнему. Он, как умел, помогал тете успокоить расходившуюся Лизочку, говоря, что

дядя сейчас вернется и что в этом лесу волки не водятся.

Но в ту самую минуту, когда неожиданно появившийся, весь запушенный снегом дядя сказал, что нашел дорогу, где-то недалеко раздался неприятный вой.

– Что это? – встрепнулись мы. – Что это?

Но старшие нам не ответили. Я только слышала, как тетя прошептала совсем тихо:

– Господи, помилуй нас!

Дядя торопил ямщика, и оба они изо всех сил старались вытащить завязнувшую в снежном сугробе тройку.

А страшное завывание все приближалось... Где-то, не очень далеко, засветились какие-то огоньки...

Наконец лошади попали на дорогу и дядя, поспешно усевшись в возок, приказал ямщику ехать что есть силы.

– Сам понимаю! – сурово ответил он с козел, в то время как тетя передавала дяде длинный и тяжелый ящик, лежавший позади нее.

Я догадалась, что это были ружья, и еле удерживалась, чтоб не вскрикнуть. Соседство хрупкой и болезненной Лизочки, страх окончательно испугать девочку удержали меня.

А вой делался все громче и страшнее. Я поняла, что за нами гналась волчья стая.

Я никогда не забуду этой ночи... Наш возок мчался быстро, быстро... Лошади хрипели и дрожали, чувствуя врагов.

Дядя зарядил оба ружья, одно держал наготове, другое – передал Яше.

Лизочка рыдала и билась от страха... Я твердила молитву, которой научила меня няня: «Да воскреснет бог и да расточатся врази его!» Тетя обняла нас с Лизой и прижала к себе крепко-крепко. Я не видела в темноте ее лица, но мне послышалось, что она тихо, сдержанно плачет. И мне стало невыносимо страшно! А волки были близко, совсем близко.

Они гнались, не отставая, за нашим возком и страшно выли, щелкали зубами. Вот двое из них, самые храбрые, забежали вперед и хотели броситься на одну из лошадей, но дядя выстрелил, и четыре огонька, светившиеся так близко, вдруг потухли.

– Наповал! – радостно прошептал Яша, подавая дяде другое ружье.

Метель между тем поутихла. Бледная луна чуть-чуть выглянула из-за облака и слабо осветила дорогу. Осветила и бесчисленное множество волков, гнавшихся за нами.

– Яша, – прерывающимся голосом приказал дядя, – заряди, родимый, да повали-ка вот этого, что подбирается к пристяжной.

И Яша, не говоря ни слова, храбро зарядил ружье и выстрелил в указанного зверя. В моей голове мелькнула мысль: где научился стрелять Яша? – но тут же я вспомнила, как дядя брал его с собой на охоту и как мы с Лизочкой горько плакали над убитым им зайчиком и долго дулись за него на Яшу.

Казалось, волков не пугали ни выстрелы, ни их убитые то-

варищи, потому что они все бежали и бежали, не отставая ни на шаг от возка.

Лизочка уже не плакала, она лежала без чувств на руках испуганной тети.

А страшные хищники уже обежали возок и бросались на лошадей с оглушительным воем...

Яша по-прежнему заряжал ружья. Дядя стрелял. Волки так и валялись убитые по обе стороны кибитки, но это не останавливало их стаю.

Вдруг совсем близко, рядом со мной появилась длинная, острая морда с двумя сверкающими углями вместо глаз и оскаленными зубами. В ту же минуту раздался чей-то страшный крик и все смешалось.

Я потеряла сознание.

Глава шестая

Спасены. Дальнейший путь. На новоселье

Я очнулась в незнакомой комнате, на большом бархатном диване, подле бледной и испуганной Лизочки.

Передо мной стояла тетя и подавала мне рюмочку с лекарством.

– Прими валерьяны. Катюша! Слава богу, очнулась, девочка! – ласково говорила она.

– А где же волки? – испуганно и недоумевающе спросила я.

– Эх, что выдумала! Давно отстали. Как зажгли пучок сена да бросили в самую стаю – они и отстали, – весело говорил дядя. – Волки огня боятся! Ну, слава богу, было да сплыло. Вот Яшук у нас герой. Он так того серого долбанул по голове прикладом, что у того желанье пропало заглядывать в кибитку!

– А где же мы? – спросила я.

– На железной дороге. Мы вас с Лизочкой сюда привезли в обмороке... Эх вы, девочки... – насмешливо протянул Яша, гордый похвалой дяди и точно выросший на целую голову после своего геройского поступка.

Лизочка молча улыбнулась. Она пила сахарную воду и бы-

ла такая бледная после пережитых страхов.

– Вот няне-то расскажем! Они там в Петербурге с Маврушей и не подозревают о наших происшествиях, – говорила тетя веселым и беззаботным голосом, стараясь успокоить нас после страшной ночи.

Но я видела, что сама она очень взволнована, и к тому же я не забыла того страшного крика, который вырвался из ее груди при появлении у нашего возка волка. И я молча поймала ее белую дрожащую руку и крепко прижалась к ней губами.

– Катюша, – удивилась она, – что с тобой, детка?

– Ах, тетя, – вырвалось у меня с горячими слезами, – я так люблю всех вас и так рада, что все вы целы и невредимы.

И мы обнялись крепко-крепко...

С этой минуты тетя, кажется, еще больше привязалась ко мне.

Мы были уже на платформе, успокоенные и одетые, когда подкатил громадный локомотив с длинным хвостом вагонов. Поезд стоял всего пять минут. Поднялась давка и суматоха. Дядя с трудом отыскал место и усадил нас в вагон.

Здесь царствовал полумрак от зеленых занавесок, затянувших фонарик... Отовсюду слышалось храпение спящих пассажиров.

Тетя наскоро устроила нам постели на мягких диванах и помогла нам раздеться и улечься поудобнее. Едва только голова моя опустилась на подушку, как я почувствовала

страшное желание спать... Поезд медленно, казалось мне, катился по рельсам и выстукивал колесами какую-то однообразную песенку. Меня чуть-чуть покачивало на мягком диване, и я скоро заснула крепким, сладким сном без всяких снов и видений.

Быстро и незаметно прошло наше путешествие. Первое лицо, которое я увидела, выходя из вагона на знакомом уже мне петербургском вокзале, – была няня.

Она крепко-крепко поцеловала всех нас, в то время как мы, перебивая друг друга, старались как можно скорее передать ей наше дорожное приключение с волками.

У подъезда вокзала мы сели в большую извозчичью карету, чтобы ехать в приготовленную для нас няней квартиру. Лизочка и Яша, не выдавшие никогда Петербурга, так и прильнули к замерзшим окнам, разглядывая высокие здания, красивые магазины и торопливо снующую толпу. Как странно было им увидеть после маленького захолустного городишки этот большой, нарядный и шумный город.

Проехав целый ряд улиц, наша карета остановилась перед подъездом большого четырехэтажного дома. Швейцар с очень важным и серьезным лицом помог нам выйти и взять вещи.

– В третий этаж налево, – говорила няня, подъехавшая с вещами несколькими минутами раньше и встречавшая нас у подъезда.

Мы наперегонки пустились по широкой лестнице и через

минуту звонили у обитой черной клеенкой двери.

– Приехали, приехали! – громко и весело встретила нас толстая Мавруша. – А мы-то уж тут прибрались кой-как с нянюшкой!

Большая и светлая квартира показалась нам сначала малоуютной: в ней не было расставлено мебели; кое-как ютились по стенам те немногие диваны и кресла, которые были привезены из Т. Новую мебель дядя боялся покупать заочно. Но наша с Лизой комнатка, оклеенная розовыми обоями, оказалась очень веселенькой и светлой.

Две беленькие, чистенькие кровати были заботливо застланы няней для ее маленьких баловниц. Но кто был в восторге – так это Яша! В Т. у него не было своего уголка, спал он у дяди в кабинете, а учил уроки в нашей детской. А здесь баловница-няня приготовила ему комнатку, хотя и очень маленькую, но все-таки «свою собственную», где бы он мог играть и заниматься.

– Доволен ли, Яшенька? – спросила его тетя, видя, как заискрились его повеселевшие глазки.

– Ах, тетя, ах! – мог только выговорить мальчик, не зная, кого броситься целовать прежде: тетю ли, приказавшую няне найти квартиру с лишней комнаткой, или няню, так хорошо исполнившую тетино желание!

Глава седьмая

В новом гнездышке. Нянин сюрприз

– Лизок, подай-ка молоток и гвозди, куда она положила темные шторы?

С этими словами дядя влез на табурет, поставленный на большой обеденный стол, чтобы ввинтить крюк в потолок для большой висячей лампы.

Столовая была уже совсем устроена и выглядела очень уютной. Гостиная тоже была прехорошенькая.

Целую неделю дядя и тетя ходили по магазинам и возвращались с руками, полными покупок. В наших комнатах сновали обойщики и поминутно раздавался стук молотка. Мы, дети, помогали чем могли, особенно старались мы с Лизочкой расставлять мебель.

Когда комнаты были убраны, последний гвоздик вбит, последняя штора повешена, – дядя пригласил приходского священника отслужить молебен в новой квартире. И няня, и Мавруша пришли в гостиную, где был покрыт белой скатертью ломберный столик и расставлены на нем образа в серебряных ризах.

Мне напомнило это другую картину... другую комнатку, где также пел священник и подтягивал ему низкий бас причетника... Вспомнила я покойную маму... и что-то теплое и хорошее наполнило мое сердечко.

Я оглянулась на няню. Она горячо молилась, кладя земные поклоны и крестясь широким крестом... Вероятно, молитва приносила ей большую радость и утешение, потому что лицо у нее было такое светлое и умиленное, каким я не видела его никогда...

На другой день Яша должен был идти в первый раз в гимназию.

– Что, трусишь? – спросил его за чаем дядя.

На что он храбро ответил:

– Нет, дядечка, не в первый раз!

И действительно, Яше нечего было бояться: учился он очень хорошо и в его ранце лежал самый лучший отзыв прежнего инспектора и учителей об его примерном поведении и успехах.

Мы с Лизочкой волновались куда больше его. Я дрожащими руками намазала маслом ломтики булки ему на завтрак. Лизочка клала на них кусочки мяса и обильно посыпала солью.

Няня притащила ранец и укладывала в него книги. Сам Яша торопливо глотал горячий чай и, кажется, мысленно проходил уроки.

– Ну, пора! – сказал он и, перецеловав всех нас, бегом отправился в прихожую.

– А мы, девоньки, гулять пойдем, ладно? – предложила нам няня, на что, конечно, и я, и Лизочка немедленно согласились и побежали одеваться.

Через полчаса мы чинно выступали по обе стороны няни в наших теплых меховых шубках и белых капорах.

– Куда ты ведешь нас, нянечка? – спросила я, видя, что она лукаво и таинственно улыбается, поглядывая на меня.

– Вот придем и увидите, а пока это сюрприз, – засмеялась няня, подзадоривая наше любопытство.

Много, много лет пройдет, но я никогда не забуду небольшого серого домика, со входом под воротами, с большим окном, выходящим на глухую узкую улицу... Я стояла перед серым домиком, и сердце мое билось в груди, как пойманная птичка. Вот оно – большое окошко с широким подоконником, где маленькая Катя ждала свою маму, возвращающуюся к обеду, со службы. И теперь на окошке сидит маленькая, худенькая девочка с куклой на руках.

– Нянечка, нянечка, как хорошо ты сделала, что привела меня сюда! – могла только выговорить я и крепко пожала нянину руку в теплой вязаной перчатке.

– Ну! Очень рада, что понравился мой сюрприз, – улыбнулась няня, – а туда в квартиру хочешь пойти, Катенька?

– Да ведь там чужие живут, нянечка... Нас, пожалуй, не пустят, – усомнилась я.

– А вот попросишь, авось и пустят, – и, говоря это, няня взяла нас с Лизой за руки и храбро шагнула за ворота.

Нас не только пустили, но и обрадовались, как знакомым. Маленькую девочку, встретившую нас со своей мамой в прихожей, звали Марусей. Она охотно показывала нам свою

квартирку, и я опять побывала в милых, дорогих комнатках, с которыми печально простилась два года тому назад.

Комнатки эти очень изменились с тех пор. Они были оклеены другими обоями, в них стояла другая мебель, но стены были те же, а в этих стенах я пережила столько счастливых часов с мамой! Вероятно, на глазах моих были слезы, потому что Лизочка неожиданно обняла меня за плечи и ласково-ласково шепнула:

– Не горюй, сестричка, я тебя очень-очень люблю!

Милая, добрая Лизочка! Я сама горячо полюбила ее – всегда кроткую и нежную со мною!

Наша новая знакомая, Маруся, показала нам все свои игрушки, не исключая и любимой куклы Таши с выпученными глазками и оторванной ногой. Ей было очень жаль расстаться с нами. У нее не было ни сестер, ни братьев, и целые дни она играла одна или сидела на широком подоконнике и смотрела на улицу. Ее мама была бедная портниха и должна была работать целые дни напролет. Ей не было времени заниматься со своей дочуркой.

– Придите, нянечка, как-нибудь с вашими барышнями, – просила она, – а то бедная Маруся моя совсем истосковалась без сверстниц.

Мы обещали исполнить ее желание и, крепко поцеловав нашу новую знакомую, поспешили домой.

Глава восьмая

Яшино несчастье

– Что, Яша не возвращался еще из гимназии? – спросил дядя, входя в гостиную несколькими минутами позднее нашего прихода с прогулки.

– Нет, папочка, не возвращался, – ответила Лиза.

В столовой уже зажгли лампу и накрывали на стол... Было около 4 часов, а Яши еще не было.

– Не случилось ли что с ним, матушка-барыня? – осведомилась няня, начавшая сильно беспокоиться за своего любимца.

– Ну, вот еще, что может с ним случиться, он волков без промаха бьет! – засмеялся дядя.

В эту минуту в передней раздался тихий звонок.

– Это Яша, Яша! – весело вскрикнули мы и опрометью бросились с Лизочкой к нему навстречу.

Это был действительно Яша. Но, боже мой, в каком виде! Растрепанный, взволнованный, с лицом, исцарапанным и покрытым синяками.

– Что с тобой? – вскрикнули мы все разом при виде мальчика.

Яша опустил глаза и не ответил ни слова.

Тогда дядя подошел к нему и, обняв его за плечи, спросил ласково:

– Скажи, Яша, ты видишь, как мы волнуемся и беспокоимся за тебя, что с тобой случилось, милый?

Вероятно, ласковое участие в голосе дяди подействовало на Яшу, и он неожиданно заплакал, повторяя сквозь всхлипывания и рыдания:

– Я не виноват, дядечка... право же, не виноват... мы подрались... и оба были наказаны...

– Ты подрался?.. Ты? – изумился дядя. – Но почему? Что такое?

– Я не виноват... – твердил Яша. – Я пришел в класс, а они... особенно один, самый шаловливый и забияка, стал дразнить меня, крича мне в уши: «Клоун пришел, клоун из цирка! Покажи твои фокусы, клоун!»

– И ты его ударил за это?

– Нет... нет! Я бы ни за что не ударил первым. Но он подошел ко мне и дернул меня за волосы, больно-больно... Тогда мы схватились. Он сильнее меня и больше... В эту минуту вошел учитель и, не разобрав, в чем дело, наказал нас обоих, оставив на два лишних часа в гимназии.

– Бедный Яшечка! – ласково проговорила Лизочка и стала горячо целовать его заплаканные щеки. – Злые мальчишки, гадкие драчуны, как им не стыдно нападать на новеньких!

– На новеньких-то и нападают, – сказал дядя. – Дети глупы. Когда я поступил в училище, и мне первое время попадало. А потом ничего – полюбили. Жаловаться только не надо, а то вечно травить будут и фискалом назовут. Ты, наде-

юсь, ничего не говорил учителю?

– Нет, дядечка, если бы сказал, то меня бы наказали без отпуска...

– Ну и молодец, что не сказал! Я сам переговорю с ним при случае, а теперь, ребяташки, объявлю вам большую радость... Только – те! Смирно стоять, не шуметь и не визжать очень громко! Это больше всего к Лизочке относится... В воскресенье утром мы с тетей решили вас взять в цирк. Рады?

– Рады! Рады! Папочка, дядечка, милый! – и мы бросились целовать нашего доброго баловника, который со всех ног кинулся от нас в столовую.

– Не я! Не я, это тетя придумала, ее и благодарите! – кричал он, спасаясь от нас.

Но было уже поздно. Мы набросились на дядю. Лиза вскарабкалась ему на плечо, я на спину, Яша ухватил за руку, и в таком виде мы предстали перед тетей, разливавшей суп за обеденным столом.

– Ну и публика! – отдувался дядя. – Беспокойная команда!.. Марш по местам!

Мы со смехом и говором расселись по стульям, испытывая самую живую радость от предстоящего нам удовольствия.

Глава девятая

В цирке. Старые воспоминания

Прошла неделя, показавшаяся нам бесконечно длинной. Наступило воскресенье.

С утра мы не находили себе места. Перед завтраком няня надела на меня и Лизочку белые платица с широкими воланами и тщательно причесала наши головы.

– Ну, готовы, детки? – спросила тетя, появляясь в гостиной в своем праздничном светло-синем платье и котиковой шапочке на голове.

Она осмотрела нас любящим материнским взглядом, поправила загнувшийся волан на моей юбочке, обдернула Яшин мундирчик, и мы все двинулись в прихожую, где нас ждал совсем уже готовый дядя.

Страшное чувство охватило меня, когда я перешагнула через порог цирка. Как ни мало походил он на простой и убогий балаган, где маленькая m-lle Клара скакала на кроткой Светлане и бешеном Арапчике, а все-таки во всей этой обстановке было так много знакомого для меня – прежней маленькой наездницы.

– Яша! – тронула я локтем моего друга и товарища, когда он пристально, не мигая, смотрел, как на арене прыгали и Дурачились два разрисованных клоуна: – Яша, смотри-ка, совсем Боб и Ганс!

– Да, да, Катя. Но как здесь все хорошо и богато, не то что у нас. И костюмы какие, новые и блестящие, а лошади-то, лошади!

На смену клоунам выбежал маленький, очень розовый и очень нарядный мальчик и смело полез на трапеции, висевшие на трехсаженной высоте.

Я невольно, следя за ловкими и смелыми движениями маленького акробата, вспомнила другого мальчика – нежного и хрупкого, запуганного Альфа. Милый, милый маленький Альф из цирка господина Ленча! Он тут, около меня и, наверное, вспоминает тяжелые годы трудной службы! Он жалеет этого розового, благодаря румянам, и ловкого маленького акробата, потому что сам на себе испытал всю тяжесть подобного ремесла. И я оглянулась на Яшу.

Он следил за мальчиком внимательным взглядом, и на лице его можно было прочесть волнение и страх за маленького канатного плясуна. Добрый Яша, нельзя было не любить его!

«Воздушным номером» заканчивалось первое отделение программы.

– Пойдем в конюшню, деточки, – предложила тетя, – посмотрим лошадок.

Мы с радостью согласились.

Глава десятая

Толстый Дик на новом месте

– М-ше Клара, m-ше Клара! – слышалось мне, когда я проходила конюшнями, любуясь сытыми и красивыми цирковыми лошадками.

– Это тебя зовут, Катя? – недоумевающе спросила тетя.

Я оглянулась.

За нами спешил толстый маленький человечек в костюме жокея и неистово махал руками.

Я пристально стала вглядываться в человечка и вдруг радостно вскрикнула:

– Да ведь это Дик! Конечно, Дик.

Действительно, это был Дик, толстый Дик – конюх и жокей из цирка господина Ленча! Это был он, добрый и славный человек, единственный мой защитник перед лицом разгневанного хозяина. Сколько раз он отклонял жестокую руку Ленча, готовую ударить меня! Сколько раз он тихонько от директорской семьи передавал мне и конфетки, и яблоки, брошенные мне на арену сострадательными зрителями! Как ненавидела его за это злючка Марго!

– Дик! Милый Дик! – И я радостно бросилась к нему и повисла у него на шее.

Как удивлены были, должно быть, цирковые конюхи, видя нарядную маленькую барышню в воздушном белом платье

на руках их товарища.

– Дик! – повторяла я. – Как я рада вас видеть. – И я потащила его к дяде и тете.

Они знали Дика по моим рассказам и теперь крепко пожали его мозолистую и честную руку.

– Спасибо вам за племянницу, господин Дик, – сказал дядя растроганным голосом, – да и за племянника тоже. Узнали?

И он шутливо подтолкнул вперед Яшу. Дик смотрел на него во все глаза и не узнавал его.

– Да ведь это Альф, наш маленький Альф, – весело крикнула я и засмеялась.

– Боже мой, неужели Альф! Никогда бы не узнал! – искренне удивился толстый Дик. – Ну, здравствуй, здравствуйте, Альф, – путался он, не зная, как говорить – «вы» или «ты» этому нарядному и рослому гимназисту.

– Да, я Альф, ваш бедный маленький Альф! Не признали, дядюшка Дик? – весело говорил Яша, целуя в обе щеки добродушного старого друга.

– Мудрено признать, миленький! Вот ведь где встретились!

– Как же вы очутились здесь, в Петербурге, господин Дик? – спросила его тетя.

– Очень просто, сударыня. Когда полиция накрыла Ленча и наше дело прекратилось, я должен был искать себе новое место. На те крохи, которые я скопил за мою долгую

службу в цирке, я решил ехать в Петербург и попытаться там счастья. И счастье улыбнулось мне: я получил место в этом большом и богатом цирке. Служба здесь не такая трудная, как в бродячей труппе прежнего хозяина, да и платят аккуратно и справедливо. Чего же мне еще надо? Я совсем доволен своей судьбой. Очень рад, что встретил моих маленьких друзей.

И он весело улыбнулся нам с Яшей.

– А вы не знаете ничего про Ленча, господин Дик? – спросил его дядя.

– Как же, знаю, сударь! Знаю, что он просидел три месяца в тюрьме за все свои темные дела. Суд еще не очень строго наказал его, так как не раскрылось самое страшное его преступление: воровство детей...

– А теперь он снова путешествует по городам со своим балаганом? – спросил Яша.

– Ну, нет, не думаю. Ему, кажется, запретили заниматься этими делами. Вообще я ничего верного не знаю о нем. Бог с ними, много зла они сделали людям!

– Дик, голубчик, придите как-нибудь к нам в гости, – попросил Яша, – у меня есть своя отдельная маленькая комнатка, где мы можем поговорить с вами, вспомнить старое, ведь вы так любили своего маленького Альфа.

– Да-да, пожалуйста, господин Дик! Мы будем очень рады видеть вас у себя, – подтвердили дядя и тетя Яшину просьбу. Звонок, звавший нас к началу второго отделения в зри-

тельный зал, заставил нас дружески распротиться с нашим старым знакомым и поспешить занимать места.

Глава одиннадцатая

Доброе дело. Елка

Приближались рождественские праздники. Дядя и тетя поминутно уходили из дому и возвращались, нагруженные разными свертками и пакетами. Мы, дети, целые дни проводили за приготовлениями к елке. Яша клеил картонажики из цветной бумаги и картинок и мастерил большую звезду из золотой бумаги с изображением Вифлеемской ночи посередине. Я и Лизочка золотили орехи на елку и вырезали тюрочки из цветной бумаги для разных сладостей. Работа так и кипела в наших руках.

Рождественская елка обещала нам столько веселья и радостей! И вот, когда в сочельник она появилась в нашей прихожей – зеленая, мохнатая и пушистая, с особенным запахом хвои и леса, – мы пришли в неописанный восторг. Мужик, принесший елку, старательно расправил ее пушистые ветви стряхнул снег и сказал, любуясь елочкой:

– Ишь, какая красавица! И украшать не надо. Уж больно пригожа.

– Нет, нам нельзя не украшать елочки, – вступилась Лизочка, – у нас будет детский вечер и мы будем танцевать вокруг зажженного деревца.

– Ишь ты, – усмехнулся добродушно мужичок, – чего тоись господа не выдумают! А у нас в деревне и не знают, кака

така елка украшенная!

– А у тебя есть дети в деревне? – спросила Лизочка.

– Есть. Зачем не бывать. Есть дети. Махонькие... – ответил мужик.

– И у них не будет елки?

– Чудная ты, барышня. Дай бог, чтобы хлебушко был да сыты были, а для чего нам елка-то? Прихоть одна барская. И пользы от нее нет.

– Бедные детки! У них не будет елки, – печально покачала Лиза своей русой головкой. – Знаешь что, голубчик, пожди-ка здесь, а мы сбегает к маме и попросим у нее для твоих детей стареньких платьев!

– Ишь ты, болезная, попроси, касаточка, попроси, беленькая, дай бог тебе здоровья, – и широкой, заскорузлой рукой мужичок коснулся белокурой головенки кузины.

Мы побежали, перегоняя друг друга, к тете и, торопясь и захлебываясь, сообщили ей о бедных деревенских ребятишках, терпящих часто и голод, и стужу.

– Мамочка, мамочка, – ластилась Лизок к тете Маше, – ты ведь позволишь нам дать мужику что-нибудь из старых платьев?

– Охотно, дитя мое! Скажите няне, чтобы она отобрала те вещи, из которых вы выросли, и отдайте их мужику.

Не знаю, кто из нас был счастливее: бедный ли мужичок или мы сами, когда притащили в прихожую большой узел с нашими старыми платьями, башмаками, пальтецами и пр.

Мужик чуть не со слезами благодарил нас и повторял повеселевшим голосом: «Спасибо, детушки, спасибо, болезные». Когда он ушел с большим узлом из нашей квартиры, мы принялись за елочку.

Ее обогрели, как следует, и стали увешивать разноцветными вещицами и сладостями, которые были положены готовые с привешенными к ним нитками. Как красивы они были, выделяясь на пушистых зеленых ветвях красивого хвойного дерева!

Уже совсем стемнело, а Вифлеемская звезда еще не появлялась на морозном небе. Няня, не евшая ничего за весь день в ожидании звезды, приготовила в столовой все к обеду, но нам, погруженным в нашу работу, вовсе не хотелось есть.

Наконец, она появилась – блестящая и яркая, самая яркая среди своих подруг.

– Звезда, звезда появилась! – кричали мы хором. – Ну, теперь можно встречать сочельник и зажигать елку.

– А вот пообедаем и зажжем! У вас уже все навешано, детишки? – спросила тетя.

– Все! Все! Только свечи зажечь осталось.

И, бросив последний взгляд на елку, мы отправились в столовую, где нас ждал настоящий рождественский обед с неизбежным гусем, начиненным яблоками.

Во время обеда двери в столовую были прикрыты по приказанию тети.

– Пусть там освежится как следует, – заметила она, – надо

открыть форточку.

И никто из нас не заметил тогда лукавой улыбки на губах нашей баловницы, не заметили мы и подозрительной возни за дверями.

Когда же, выйдя из-за стола и поблагодарив дядю и тетю, мы бросились в гостиную, дядя перегнал нас у порога и широко, на обе половинки распахнул двери. Мы ахнули.

Какая-то волшебная фея зажгла во время нашего обеда это сказочно красивое деревцо. Красавица-елка вся так и горела огнями. Но что еще более вызывало наш восторг и заставило испустить громкий и продолжительный крик радости, это большой белый стол, весь заставленный подарками. Чего-чего только там не было! И рукодельный ящичек со всеми принадлежностями маленькой швеи, о котором я так давно мечтала! И большая кукла, говорящая «мама» и «папа», – заветное желание кузины Лизочки, и ящик с красками для Яши. Кроме того, тут же лежали подарки и от баловника дяди. Две красивые книжечки для меня и Лизочки и настоящий фотографический аппарат для Яши.

Откуда и как подслушали наши мысли и желания баловники дядя и тетя? То, о чем мечтали, чего хотели наши детские сердечки, – все явилось как по мановению волшебной палочки!

И что это был за чудесный вечер! Когда мы вдоволь налюбовались и нарадовались подарками, тетя села за рояль и мы хором пропели рождественский тропарь, спетый дав-

но, несколько тысяч лет тому назад, светозарными ангелами вифлеемским пастухам в великую минуту рождения Богочеловека. А елка вся сияла своими украшениями: и серебряными нитями, и румяными яблочками, и золотистыми мандаринами, и целою массою хорошеньких картонажей и пряников с наклеенными на них картинками!

Особенно выделялась звезда на самой верхушке нарядного деревца. Эта звезда стоила многих усилий Яше, зато как красиво выделялась она на зелени ветвей!

В этот вечер мы с Лизой долго не могли заснуть и тихо разговаривали, лежа в кроватках.

Тут же с нами лежали и полученные подарки; я не могла расстаться с хорошеньким ящичком, она – с новой куклой, которую тут же решила назвать в честь мою Катей.

Глава двенадцатая

Детский вечер.

Сконфуженный франтик

– Кого же из детей мы пригласим на наш маленький вечер? – спросила тетя дядю, сидя за столом с карандашом в руке, которым отмечала, что нужно купить для предстоящего вечера.

– Да вот семью Гориных, – ответил дядя, – да Яша своих товарищей гимназистов, наверное, захочет пригласить. Дети живо перезнакомятся, и будет весело... А у тебя. Катюша, нет никого, кого бы ты хотела позвать на наш детский праздник? – обратился дядя ко мне.

Я призадумалась, желая припомнить кого-нибудь из знакомых детей. Но тщетно. У меня не было сверстниц, и я хотела уже сказать об этом дяде, как вдруг стоявшая тут же Лизочка запрыгала и забила в ладоши.

– А Маруся! Маруся-то? – кричала она. – Ты забыла Марусю.

– Какую Марусю? – в один голос спросили дядя и тетя.

– Да ту, с которой мы познакомились, помнишь, Катя на твоей прежней квартире, такая бледненькая, худенькая.

– А! – и я действительно живо вспомнила бледненькую Марусю, сидевшую на широком подоконнике маленького до-

мика.

– Да-да, Марусю, пожалуйста, пригласите и Марусю! – присоединила я свою просьбу к просьбе Лизочки.

И тут же рассказала дяде и тете о нашем знакомстве с девочкой.

– Ну, Марусю так Марусю! – согласился дядя, выслушав меня. – Ну, а ты, Яша, кого хочешь позвать, а?

– Я, дядя, сделал список моих товарищей. Вот он! – и, отстегнув пуговицу мундирчика, он дал дяде бумажку.

– Коля Свирский, Петя Димин, Митя Иванов, граф Панин, Миша Курцев, – прочел дядя и удивленно взглянул на Яшу. – Миша Курцев? Ведь это тот, который, если не ошибаюсь, обидел тебя, Яша, в первый день твоего поступления в гимназию.

– Да, дядя, это он, – густо краснея, прошептал Яша, – но мы теперь с ним большие друзья.

– Как так?

– Да так, дядя, – и Яша краснел все больше и больше. – Миша прекрасный мальчик, только немножко забияка. Зато у него сердце золотое. На днях он совершил такой подвиг, что я не мог не простить ему его злой выходки со мной.

– А что такое? – заинтересовался дядя.

– Ах, дядя! Миша поступил как настоящий герой, – восторженно воскликнул Яша. – Дело в том, что у нас в классе есть бедный-бедный мальчик Митя Иванов. Он даже не носит с собой завтрака в гимназию и живет где-то в углу

со своей матерью, совсем слабой и больной женщиной. Мы несколько раз замечали, что Миша украдкой отдавал половину своего завтрака Мите. Несколько дней тому назад был день рождения Миши.

Он получил от отца в подарок часы, о которых мечтал с самого своего поступления в гимназию. Миша принес подарок в класс, радостный и торжествующий. Целую неделю он не расставался с ними, и вдруг часы исчезли. Все невольно обратили внимание на это и спрашивали Мишу о часах. Он отмалчивался или сердился на все вопросы. И вдруг мы узнаем, что Миша продал свои часы, чтобы заплатить за лечение и уголь бедной матери Иванова. Весь класс выразил самые дружеские чувства Мише, все жали ему руку, обнимали его.

– И ты тоже? – вырвалось у Лизочки.

– И я тоже. Чем я лучше других? Да и потом Миша сам извинился передо мной и мы теперь приятели.

Дядя внимательно выслушал рассказ Яши, потом он крепко обнял милого мальчика и тихо-тихо сказал ему, но так, что мы слышали:

– Молодец, Яша. Спасибо, братец!

Лизочка вскинула удивленными глазками на своего отца, недоумевая, за что благодарит он Яшу, но мне кажется, что я поняла дядю, и меня самое так и тянуло обнять и поцеловать крепко-крепко моего названного брата.

Вечер наш устроен был как раз накануне Нового года.

Господи, как мы волновались, я и Лизочка, одеваясь на

наш первый детский праздник! Особенно волновалась я.

Няня старательно разгладила наши воздушные платьяца, беленькие с розовыми бантиками, точно крылышками бабочек. Лизочка, как и всегда, одетая в белый тюль, походила на маленькую фею. У нее было такое беленькое личико, такие пышные белокурые волосы. А я, как шутил дядя, черненькая и смуглая, была настоящей мушкой, попавшей в стакан молока! Яша блестел новым мундирчиком и серебряными, как мне казалось, форменными пуговицами.

Когда мы совсем готовые пришли в гостиную, там уже сидела жена дядиного начальника со своими тремя девочками: Милочкой, Зиночкой и Алечкой. Нас познакомили с ними. Это были очень важные маленькие барышни, с хорошими манерами и серьезными личиками. Мне они не понравились, и я скоро отошла от них, оставив им в роли хозяйки Лизочку.

Скоро пришли и все пять товарищей Яши, и наша маленькая гостиная наполнилась синими мундирчиками.

– Яша! Яша! – шепнула я моему другу. – Покажи мне Мишу Курцева.

– Миша! – крикнул Яша так громко, что я сконфузилась. – Вот сестра Катя (Яша всегда называл меня сестрой) хочет познакомиться с тобой.

Ко мне подошел маленький краснощекий гимназист с веселыми глазками и носом пуговкой.

– А вот и я! – весело сказал он и засмеялся. «Так вот он какой, герой-то! – промелькнуло в моей голове. – А я-то дума-

ла, что он гордый и серьезный!» – И, взглянув на героя-Мишу, мне вдруг стало очень весело.

Яша одного за другим назвал всех своих товарищей. Тут был и бледный худенький Митя Иванов, и гордый с надменным кукольным лицом и завитый барашком маленький графчик, и Петя Димин – бледный горбатый мальчик с большими умными глазами, и Коля Свирский – общий любимец и невозможный шалун.

– А Маруся? Она еще не приехала? – спросила тетя.

– Кто это Маруся? – поинтересовалась очень нарядно одетая Алечка, одна из трех сестриц Гориных.

– Это наша новая знакомая, ужасно милая девочка, – ответила Лизочка.

В ту же минуту раздался звонок, и мы бросились в прихожую встречать запоздавшую Марусю.

Это была она, плотно укутанная в большой байковый платок и шубку.

– Иди домой, Агафья, – сказала она кухарке, провожавшей ее, – ты понадобишься маме, а через два часа зайди за мною.

Мы помогли раздеться нашей маленькой гостье. Когда Маруся освободилась от своей теплой шубки и большого платка, она крепко поцеловала нас обеих.

– Ах, как я рада увидеться с вами, дорогие! – ласково улыбалась она мне и Лизочке.

На ней было простенькое розовое ситцевое платьице и

штопаные чулочки. Бедностью и чистотой веяло от ее нежной фигурки. Нам почему-то стало неловко с Лизочкой за наши нарядные белые платица.

Мы взяли за руки Марусю и повели ее в гостиную.

Тетя ласково обняла и поцеловала оробевшую девочку, нарядные маленькие Горины покосились на ее бедный костюм и еле кивнули ей завитыми головками.

– Ну, вот и все в сборе. Можно зажигать елку! – весело проговорил дядя и с помощью Яши и его гимназистов стал зажигать свечи.

Дерево еще лучше украсилось благодаря купленным дядей изящным бонбоньеркам, хлопушкам и сюрпризам для наших маленьких гостей.

– Какая прелесть! – радостно вскрикнула Маруся, когда елка засияла огнями.

– Очень рада, что тебе она нравится, деточка, – ласково улыбнулась тетя.

– У нас дома тоже чудесная елка! – с достоинством проговорила старшая Горина. – А у вас? – спросила она Марусю.

– Нет, у меня нет елки! – вздохнула Маруся.

– Почему же? – вмешался в разговор маленький граф. – Вы, верно, были наказаны?

– Нет, я не была наказана: просто моя мама была нездорова перед праздниками и принуждена была отказаться от многих заказов. А ее заработок слишком невелик, чтобы позволить себе удовольствия.

– А ваша мама работает? Что же она работает? – подско-
чил к Марусе маленький граф.

Старшие ушли пить чай в столовую и не могли слышать
нашего разговора.

– Моя мама портниха! – спокойно ответила Маруся и
взглянула на графчика своими ясными глазками.

– Вот как! – и он торжествующе обвел глазами трех ма-
леньких Гориных. – Примите к сведению, медам, если вам
понадобится платье, – m-lle Мари не откажется сшить его,
так как она, наверное, будет портнихой, как ее мамаша.

В словах мальчика звучала нескрываемая насмешка, и
нам стало больно и обидно за нашу маленькую подругу.

Но усовещивать Витю и спорить с ним было неудобно, так
как он был наш гость. Мы с Лизочкой обняли Марусю и ото-
шли с нею к елке. Графчик повернулся на каблучках и что-то
весело стал рассказывать трем сестрицам. Мне было очень
жаль, что Яша, убежавший с другими гимназистами в свою
комнату, не видел выходки Вити.

– Ну-с, вот и мы! А у вас дело не ладится – что ж вы не
играете? – спросила тетя, обращаясь к нам, детям, рассев-
шимся по разным углам.

– Что же вы, хозяйюшки, плохо занимаете гостей? – спро-
сил дядя. – Давайте-ка устроим какую-нибудь игру, а?

– Да, да, устроим! Непременно устроим.

– Хотите в кошки-мышки? – предложила я Зиночке Го-
риной.

– Да, только чтобы ловили осторожнее, а то мальчики такие медвежата: непременно оторвут волан или бантик.

– Ха-ха-ха! – раскатисто засмеялся графчик. – Так что ж, это дело поправимо, когда в доме есть портниха.

Последние слова он сказал чуть слышно, но, однако, близстоящая Маруся расслышала их. Она покраснела, и на глазах ее навернулись слезинки.

– Злой мальчик! – проговорила она чуть слышно. – За что он мучает меня!

– Ну, в кошки, так в кошки, – согласился весело дядя, ничего не слышавший и не заметивший.

– Ах нет, я предпочитаю в колечко, это так весело! – проговорила Алечка.

– Да, да, в колечко! – согласились все разом. Принесли веревочку, дядя снял с пальца кольцо и вошел в круг.

– Я не буду стоять здесь, Яша, не переменишься ли со мной местами? – спросил Витя, попавший между Марусей и Лизочкой.

– Охотно, – и ничего не подозревавший Яша уступил свое место между Алечкой и Зиной капризному графу.

Все время игры, когда кольцо попадало в худенькие ручки Маруси, Витя, ловивший его, делал вид, что не знает, где оно, и не хочет искать. Я каждую минуту собиралась уличить гадкого мальчишку, но у меня не хватало смелости на это... Ни Яша, ни Лизочка, от души веселившиеся, не замечали ничего.

– Ну, довольно, давайте-ка устроим пляс, – весело сказал дядя, когда затянувшаяся игра стала понемногу надоедать.

– Отлично, я вот сыграю, – и тетя села за рояль.

– Я буду танцевать с вами, – подошел Витя к Милочке.

Она, очень довольная выпавшею ей честью танцевать с маленьким графчиком, ответила ему реверансом.

Я встала в пару с Мишей, Лизочка с Митей Ивановым, две соседние Горины с шалуном Колей и Петей Диминим.

Маруся осталась почему-то без кавалера.

– Яша, Яша, приглашай же даму, – подтолкнул его шутиво дядя.

– Да ведь я плохо танцую, – конфузился тот.

– Ничего, я вас научу, – ласково прозвучал голосок Маруси.

– А вы разве умеете танцевать? – удивился Витя.

– Почему же ей не уметь? – холодно обратилась к нему тетя, заметившая странное поведение мальчика. – Я уверена, что Маруся отлично танцует.

И действительно, Маруся танцевала отлично, куда лучше всех нас и трех гордых сестриц и самого Вити.

Мы с Лизой готовы были броситься целовать ее за то, что она такая умница, такая милая. Но что окончательно смутило графчика, это когда уставшая тетя вышла из-за рояля и мы испустили печальное «ах», лишившись нашей таперши. Тогда, застенчиво краснея, Маруся предложила свои услуги.

– Как! Ты и играешь, дитя мое? – удивилась тетя.

– Немножко. Что-нибудь очень легонькое. Меня учил покойный папа; ведь, вы знаете, он был учителем музыки и давал концерты. Он любил заниматься со мной, потому что музыка для меня самое большое удовольствие в мире!

И Маруся, не ожидая приглашения, села за рояль и заиграла шумную и веселую польку совсем хорошо и бойко, как большая.

Странно было видеть ее маленькие ручки, так ловко и скоро перебиравшие клавиши. Мы все собрались вокруг рояля, не думая о танцах. Маруся сыграла свою хорошенькую польку, и потом, раскрасневшаяся и счастливая нашим восторгом, она спросила:

– Что же вы не танцуете?

– Ах, Маруся, как ты хорошо играешь, как ангел! – воскликнула Лизочка, никак не сдерживая своих восторгов.

– Тебе нравится? Я очень рада! – ласково улыбнулась Маруся. – Хотите, я сыграю вам песню, сложенную самим папой? Ах, как он любил ее! Она называется «Молитва девочки». Он посвятил ее мне.

И не дожидаясь ответа, Маруся заиграла чудную, мелодичную песенку... Нотки, дрожа и точно тая, вылетали из-под ее маленьких пальчиков, и рояль пел, как живой.

И это играла Маруся, маленькая десятилетняя наша подруга!

Когда она кончила, Горина-мать рассыпалась в похвалах, говоря, что ее единственное желание в том, чтобы Зиночка,

Милочка и Алечка играли так же. Тетя ничего не сказала, она крепко-крепко обняла Марусю и поцеловала ее таким же нежным поцелуем, как целовала нас с Лизочкой. Но кто был совсем сконфужен – так это Витя. Куда делся его гордый вид маленького барина! Он неловко подошел к Марусе и шепнул ей:

– Вы меня простите, пожалуйста, я не знал, что вы такая!

– Я не сержусь, что вы! – и Маруся так же ласково улыбнулась ему, как улыбалась нам всем.

Как хорошо кончился наш детский вечер, начинавшийся было так неудачно! Мы танцевали, играли в разные игры, дружно и весело, и, наконец, наши маленькие гости, получив от тети по сюрпризу с елки, разъехались по домам, обещая видеться как можно чаще.

Глава тринадцатая

Корь. На новом месте

– Здорова ли ты, Лизочка? – заботливо спрашивала тетя свою притихшую девочку.

Целый день Лизочка была скучная и не хотела играть с нами. И лицо у нее было такое красное и горячее!

– Нет, я здорова, мамочка! – отвечала она, стараясь улыбнуться.

Но улыбка у нее не вышла. Запекшиеся горячие губки раскрылись и снова закрылись. Лизочка, очевидно, была совсем больна, но, не желая беспокоить матери, крепилась через силу.

– Ты бы пошла прилегла на моей кроватке, а я расскажу тебе сказочку, – предложила ей тетя.

– Да-да, мамочка!

И Лиза, чтобы исполнить ее желание, легла на тетину постель, позволила укутать себе ножки тяжелым пледом и, опустив голову на подушку, прошептала:

– Ах, как хорошо у тебя, мамочка!

Тетя села около постели и ласково стала гладить головку Лизы.

– Ах, как ты горишь, Лизок! – сказала она. – Я позову доктора.

Но Лизочка не слышала уже слов тети, она заснула или

была в забытьи, не знаю. Только она стала говорить что-то так часто и скоро, что с трудом можно было разобрать. Она вспомнила и Алечку, и Зиночку, и елку, и злого Витю, и бедного Иванова, и Марусю, и большую куклу, виденную нами в витрине игрушечного магазина. Я поняла, что она бредит.

Лизочке становилось с каждым днем все хуже и хуже. На лице ее появилась красная сыпь, и вся она горела, как в огне.

Доктор велел отделить нас от кузиночки, говоря, что у нее корь, которая очень прилипчива. Яше запрещено было входить в ее комнату, а меня решили отправить на время ее болезни к Марусиной маме, с которой тетя успела познакомиться и подружиться.

Когда няня привела меня к Даниным (фамилия Маруси и ее мамы), Маруся встретила меня радостная и ликующая.

– Ну вот, Катя, как славно ты проведешь у нас несколько деньков! – говорила она. – Жаль только, что Лизочка больна, а то бы нам было превесело!

Несмотря на ласковую предупредительность Марусиной мамы, на дружбу самой Маруси, мне все это время точно чего-то не хватало. Не хватало тетиных поцелуев на сон грядущий, когда она, наклоняясь над моей кроваткой, крестила меня со словами: «Христос с тобою, крошка, спи спокойно»; не хватало и няниной добродушной воркотни, когда она приходила тушить лампу и недовольно ворчала на нас с Лизочкой, болтавших без умолку, лежа в кроватках. И я горячо молилась богу, чтобы он как можно скорее дал облегчение

больной Лизочке.

Милосердный господь услышал мою детскую молитву: через две недели Лизочка выздоровела, и меня взяли обратно домой...

Глава четырнадцатая

Снова Ленч

Прошел месяц.

Лизочка вполне оправилась от своей болезни; но дядя и тетя не рисковали еще выпускать малютку на воздух, что очень огорчало нашу общую любимицу. Чтобы как-нибудь развлечь девочку, тетя Маша придумала чтение по вечерам всей семьей. Няня растапливала камин (февраль месяц отличался особенными стужами в этом году), и вся наша семья собиралась у камина вокруг маленького столика – послушать интересное чтение. Читал обыкновенно Яша, и читал прекрасно; он же доставал и книги из гимназической библиотеки: а мы с жадным вниманием слушали маленького чтеца.

Однажды вечером, когда на дворе бушевала вьюга, свистел холодный зимний ветер, завывая по трубам домов, мы снова собрались вокруг маленького круглого столика. У нас было так тепло, светло и уютно! Яша уже раскрыл вновь принесенную им книгу и готовился приступить к чтению, как вдруг неожиданно в передней дрогнул звонок. Мы молча с удивлением переглянулись.

– Это, вероятно, кто-нибудь приехал приглашать тебя к больному, – заметила тетя, обращаясь к дяде.

– По всей вероятности, – подтвердил дядя и пошел в прихожую. Мы с Яшей бросились за ним следом.

В нашей маленькой прихожей тускло горела стенная лампа, но при ее бледном свете мы могли различить высокого, запорошенного снегом и окоченевшего от стужи человека; няня, впустившая его, теперь спрашивала, что ему надо.

Но бедняга от холода не мог выговорить ни слова.

Дрожащими пальцами старался он размотать с шеи рваный гарусный шарф, но тщетно, заочевшие пальцы не слушались.

– Вы больной? – спросил участливо дядя.

Наконец, с помощью няни, странный гость распутал шарф, закрывавший его шею и половину лица.

Что-то знакомое предстало моим глазам. Я невольно подавалась вперед, взглянула на незнакомца и вскрикнула невольно:

– Да это Ленч!

Да, это был Ленч! Но, боже мой, как он изменился! Худой, бледный, постаревший на десять лет, он так мало походил на моего прежнего хозяина!

Теперь он уже не казался прежним грозным и строгим господином Ленчем. Он пристально взгляделся в меня и, очевидно узнав, глухо сказал:

– Ты ли это, Клара?

– Да, это я, – тихо пролепетала я, – а вот и Яша, помните Яшу-Альфу? – И я тихонько подтолкнула в его сторону моего названного брата.

Ленч взглянул на него, с трудом узнав в чистеньком и сы-

том гимназисте свою бывшую несчастную маленькую жертву Альфа. Он хотел что-то сказать и вдруг пошатнулся.

– Что с вами? – участливо повторил свой вопрос дядя и поддержал несчастного. – Вы больны? Я доктор и помогу вам.

– О, нет, не мне! – со стоном вырвалось из груди Ленча. – Я умоляю вас спасти мою дочь, мою бедную умирающую Марго! Сама судьба посылает мне вас! Я просил в аптеке адрес врача. Меня направили к вам, и вот я случайно встречаю здесь Клару и Альфа. О, они не злые дети! Они простят своего прежнего жестокого хозяина и помогут упротить вас ехать к моей бедной дочери!

И, говоря это, несчастный упал на колени и простирал к нам руки, рыдая и плача.

Вся моя прежняя вражда и ненависть к этому человеку исчезли при виде его страданий. Я бросилась на шею дяди, умоляя его помочь несчастному; Яша не отставал от меня. Впрочем, мы упрашивали напрасно. Дядя в первую же минуту все простил Ленчу и видел в нем не врага своих приемных детей, а глубоко несчастного человека, которому надо было помочь.

– Едем, Катя, – твердо проговорил дядя после небольшого раздумья. – Ведь у вашей дочери, – обратился он к Ленчу, – не заразительная болезнь?

– О нет, бедняжка Марго умирает от какой-то тяжелой внутренней болезни, она уже месяц не встает на ноги.

– Ну, тогда я беру тебя, Катя! – еще раз решил дядя. – Ты можешь помочь своей бывшей подруге. А ты, Яша, беги к тете и скажи, чтобы она положила в корзинку провизии: молока, бульона, яиц да бутылку вина... Вы, вероятно, очень нуждаетесь? – спросил он Ленча.

Тот только рукой махнул в ответ.

– Да одеяло теплое и белья чтобы няня уложила! – крикнул дядя вдогонку убежавшему Яше.

Через десять минут все было готово. Я, дядя и Ленч, согревшийся от стакана вина, данного ему Яшей, ехали на самую дальнюю окраину города, где жил несчастный со своей больной дочерью.

По дороге Ленч рассказал дяде, что, выйдя из тюрьмы, он уже не мог продолжать своего дела. Вся его труппа разбежалась. Жена умерла от горя и нужды, и он приехал в Петербург искать работы со своей дочерью. Но работы не оказалось, и они должны были пробавляться людским подаянием.

Мне было очень жаль бедного Ленча, и вся моя былая ненависть к нему исчезла от его печальных, полных горечи рассказов.

Глава пятнадцатая

Добром на зло!

Извозчик остановился у большого пятиэтажного дома, стоявшего в каком-то глухом и узком переулке. Мы вошли в темный двор и ошупью стали подниматься по скользкой и узкой лестнице. Дядя крепко держал меня за руку, чтобы я не упала. Наконец, мы подошли к низенькой двери где-то высоко под самой крышей, на чердаке, и наш спутник толкнул ее. Я очутилась в сырой и холодной комнате, освещенной одним только огарком, вставленным в бутылку...

«Боже мой! И тут могут жить люди!» – невольно с ужасом подумала я и крепко прижалась к руке дяди.

– Это ты, папа? – послышался откуда-то из угла слабый детский голосок.

– Я, а со мною хорошие люди! – поспешил ответить Ленч.

Тут только заметила я связку соломы в углу, а на ней разметавшуюся и покрытую жалкими лохмотьями девочку.

– Марго! – невольно вскрикнула я и бросилась вперед.

Она открыла впалые глаза и протянула мне худенькие ручки. Она, казалось, сразу узнала меня и нимало не удивилась моему приходу.

– Клара! Клара! – шептала она, точно в забытьи. – Я рада, что ты пришла, я знала, что ты придешь, Клара. Мне так не хотелось умирать, не испросив у тебя прощения. Прости ме-

ня, Клара, я много виновата перед тобой. Но судьба нас так жестоко покарала за все.

Я крепко обняла больную и как можно утешила ее. Дядя, осмотрев Марго, не нашел в ней никакой особенной болезни; она была больна истощением сил от голода и нужды.

– Ну, слава богу, теперь ты скоро поправишься, дитя мое! – проговорил он, окончив выслушивать и выстукивать девочку. – Хороший уход и пища вылечат тебя без всяких лекарств! Завтра же мы перевезем тебя к нам, и Катя не откажется поухаживать за тобой!

Конечно, я с радостью ухватилась за предложение дяди. На другое утро Марго перевезли к нам. Скоро она поправилась, и дядя поместил ее в школу, а отцу ее дал работу у себя в больнице. Ленч со слезами благодарил нас за все, что мы делали для него и для Марго.

– Вы настоящие благодетели, – говорил он. – За все зло, причиненное мною вашим детям, вы отплачиваете мне величайшим добром...

Марго выходила я и могу смело гордиться этим. Зато я приобрела в ней впервые друга на всю жизнь. Она привязалась ко мне, как к родной сестре, чем заставляет даже ревновать мою дорогую Лизочку. Марго очень изменилась к лучшему, как и ее отец, который стал неузнаваемым с тех пор, как наша семья облагодетельствовала его с дочерью. Каждое воскресенье и он, и Марго приходят к нам, и мы проводим сообща праздники. О неприятном прошлом все как бы по-

забыли, по крайней мере, никто не говорит о нем.

Не знаю, как другие, но я признаю себя счастливой оттого, что могла отплатить добром за зло моим недавним врагам.